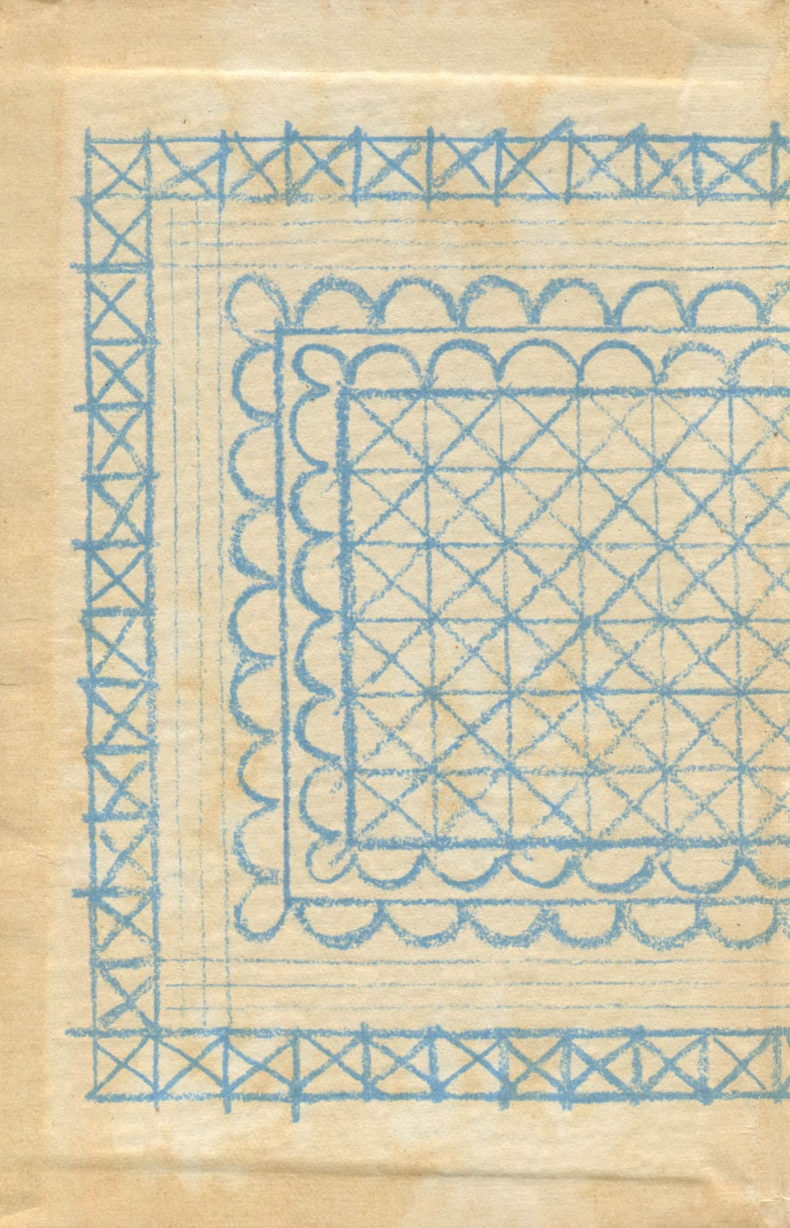
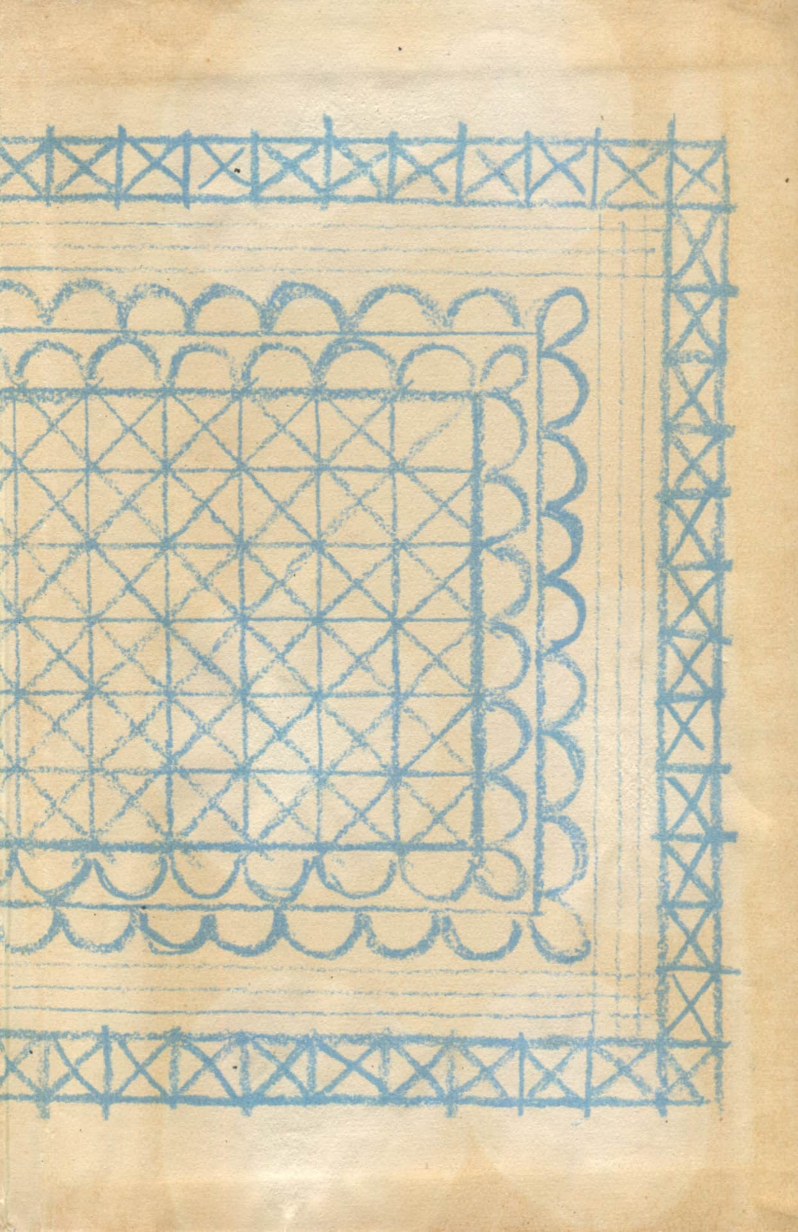
И. Ильф

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Советский писатель

МОСКВА 1957.

И. Ильф

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

1925–1937

Составление и подготовка **текста**
М. Н. Ильф-Файнзильберг и Г. Н. Мунблита

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Первое издание записных книжек И. А. Ильфа вышло почти двадцать лет назад и давно стало библиографической редкостью. Вводя читателя в творческую лабораторию замечательного мастера советской сатиры, раскрывая приемы и методы его сатирического искусства, записи И. А. Ильфа представляют большой интерес для самых широких читательских кругов.

Предлагаемое вниманию читателя новое издание записных книжек И. А. Ильфа значительно полнее первого. Оно дополнено записями, которые были найдены в архиве писателя после того, как первое издание

вышло в свет. Таким образом, в новое издание вошли почти все записи, составляющие записные книжки И. А. Ильфа с 1925 по 1937 годы.

В качестве предисловия к книге мы публикуем статью соавтора и друга И. А. Ильфа — покойного Е. П. Петрова, написанную для первого издания записных книжек и напечатанную в нем.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬФЕ

1

Однажды, во время путешествия по Америке, мы с Ильфом поссорились.

Произошло это в штате Нью-Мексико, в маленьком городе Галлопе, вечером того самого дня, глава о котором в нашей книге «Одноэтажная Америка» называется «День несчастий».

Мы перевалили Скалистые горы и были сильно утомлены. А тут еще предстояло сесть за пишущую машинку и писать фельетон для «Правды».

Мы сидели в скучном номере гостиницы, недовольно прислушиваясь к свисткам и колокольному звону маневровых паровозов (в Америке железнодорожные пути часто проходят через город, а к паровозам бы-

вают прикреплены колокола). Мы молчали. Лишь изредка один из нас говорил: «Ну?»

Машинка была раскрыта, в каретку вставлен лист бумаги, но дело не двигалось.

Собственно говоря, это происходило регулярно в течение всей нашей десятилетней литературной работы — трудней всего было написать первую строчку. Это были мучительные дни. Мы нервничали, сердились, понукали друг друга, потом замолкали на целые часы, не в силах выдавить ни слова, потом вдруг принимались оживленно болтать о чем-нибудь, не имеющем никакого отношения к нашей теме, — например, о Лиге Наций или о плохой работе Союза писателей. Потом замолкали снова. Мы казались себе самыми гадкими лентяями, какие только могут существовать на свете. Мы казались себе беспредельно бездарными и глупыми. Нам противно было смотреть друг на друга.

И обычно, когда такое мучительное состояние достигало предела, вдруг появлялась первая строчка — самая обыкновенная, ничем не замечательная строчка. Ее произносил один из нас довольно неуверенно. Другой с кислым видом исправлял ее немного. Строчку записывали. И тотчас же все мучения кончались. Мы знали по опыту — если есть первая фраза, дело пойдет.

Но вот в городе Галлопе, штат Нью-Мексико, дело никак не двигалось вперед. Первая строчка не рождалась. И мы поссорились.

Вообще говоря, мы ссорились очень редко, и то по причинам чисто литературным — из-за какого-нибудь оборота речи или эпитета. А тут ссора приключилась ужасная — с криками, ругательствами и страшными обвинениями. То ли мы слишком изнервничались и переутомились, то ли сказалась здесь смертельная болезнь Ильфа, о которой ни он, ни я в то время еще не знали, только ссорились мы долго — часа два. И вдруг, не сговариваясь, мы стали смеяться. Это было странно, дико, невероятно, но мы смеялись. И не каким-нибудь истерическим, визгливым, так называемым чуждым смехом, после которого надо принимать валерьянку, а самым обыкновенным, так называемым здоровым смехом. Потом мы признались друг другу, что одновременно подумали об одном и том же: нам нельзя ссориться, это бессмысленно. Ведь мы все равно не можем разойтись. Ведь не может же исчезнуть писатель, проживший десятилетнюю жизнь и сочинивший полдесятка книг, только потому, что его составные части поссорились, как две домашние хозяйки в коммунальной кухне из-за примуса.

И вечер в городе Галлопе, начавшийся так ужасно, окончился задушевнейшим разговором.

Это был самый откровенный разговор за долгие годы нашей никогда и ничем не омрачавшейся дружбы. Каждый из нас выложил другому все свои самые тайные мысли и чувства. Уже очень давно, примерно к концу работы над «12 стульями», мы стали замечать, что иногда произносим какое-нибудь слово или фразу одновременно. Обычно мы отказывались от такого слова и принимались искать другое.

— Если слово пришло в голову одновременно двум, — говорил Ильф, — значит оно может прийти в голову трем и четырем, значит оно слишком близко лежало. Не ленитесь, Женя, давайте поищем другое. Это трудно. Но кто сказал, что сочинять художественные произведения легкое дело?

Как-то, по просьбе одной редакции, мы сочинили юмористическую автобиографию, в которой было много правды. Вот она:

«Очень трудно писать вдвоем. Надо думать. Гонкурам было легче. Все-таки они были братья. А мы даже не родственники. И даже не однолетки. И даже различных национальностей: в то время как один русский (загадочная славянская душа), другой — еврей (загадочная еврейская душа).

Итак, работать нам трудно.

Труднее всего добиться того гармонического момента, когда оба автора усаживаются, наконец, за письменный стол.

Казалось бы, все хорошо: стол накрыт газетой, чтобы не пачкать скатерти, чернильница полна до краев, за стеной одним пальцем выстукивают на рояле «О, эти черные», голубь смотрит в окно, повестки на разные заседания разорваны и выброшены. Одним словом, все в порядке, сиди и сочиняй.

Но тут начинается.

Тогда как один из авторов полон творческой бодрости и горит желанием подарить человечеству новое художественное произведение, как говорится, широкое полотно, другой (о, загадочная славянская душа!) лежит на диване, задрав ножки, и читает историю морских сражений. При этом он заявляет, что тяжело (по всей вероятности, смертельно) болен.

Бывает и иначе.

Славянская душа вдруг подымается с одра болезни и говорит, что никогда еще не чувствовала в себе такого творческого подъема. Она готова работать всю ночь напролет. Пусть звонит телефон — не отвечать, пусть ломятся в дверь гости — вон! Писать, только писать. Будем прилежны и пылки, будем бережно обращаться

с подлежащим, будем лелеять сказуемое, будем нежны к людям и строги к себе.

Но другой соавтор (о, загадочная еврейская душа!) работать не хочет, не может. У него, видите ли, нет сейчас вдохновения. Надо подождать. И вообще он хочет ехать на Дальний Восток с целью расширения своих горизонтов.

Пока убедишь его не делать этого поспешного шага, проходит несколько дней. Трудно, очень трудно.

Один — здоров, другой — болен. Больной выздоровел, здоровый ушел в театр. Здоровый вернулся из театра, а больной, оказывается, устроил небольшой разворот для друзей, холодный бал с закусочкой а-ля-фуршет. Но вот, наконец, прием окончился, и можно было бы приступить к работе. Но тут у здорового вырвали зуб, и он сделался больным. При этом он так неистово страдает, будто у него вырвали не зуб, а ногу. Это не мешает ему, однако, дочитывать историю морских сражений.

Совершенно непонятно, как это мы пишем вдвоем».

Действительно. Сочинять вдвоем было не вдвое легче, как это могло бы показаться в результате простого арифметического сложения, а в десять раз труднее. Это было не простое сложение сил, а непрерывная борьба двух сил, борьба изнуритель-

ная и в то же время плодотворная. Мы отдавали друг другу весь свой жизненный опыт, свой литературный вкус, весь запас мыслей и наблюдений. Но отдавали с борьбой. В этой борьбе жизненный опыт подвергался сомнению. Литературный вкус иногда осмеивался, мысли признавались глупыми, а наблюдения поверхностными. Мы беспрерывно подвергали друг друга жесточайшей критике, тем более обидной, что преподносилась она в юмористической форме. За письменным столом мы забывали о жалости.

Со временем мы все чаще стали ловить себя на том, что произносим одно и то же слово одновременно. И часто это было действительно хорошее, нужное слово, которое лежало не близко, а далеко. И хотя оно было произнесено двумя, но едва ли могло прийти в голову еще трем или четырем. Так выработался у нас единый литературный стиль и единый литературный вкус. Это было полное духовное слияние. И вот о нем мы говорили вечером в городе Галлопе, штат Нью-Мексико.

Мы признались друг другу, что испытываем одно и то же чувство неуверенности в собственных силах. Сможет ли один из нас написать хотя бы одну строчку самостоятельно? Год спустя мы написали нашу последнюю большую книгу — «Одноэтаж-

ную Америку». Это было первое произведение, которое мы сочиняли порознь — двадцать глав написал Ильф, двадцать глав написал я, и семь глав мы написали вместе, по старому способу. Мы убедились, что наши страхи были напрасны.

Но тогда, в Галлопе, мы были откровенны и нежны и очень встревожены.

Я не помню, кто из нас произнес эту фразу:

— Хорошо, если бы мы когда-нибудь погибли вместе, во время какой-нибудь авиационной или автомобильной катастрофы. Тогда ни одному из нас не пришлось бы присутствовать на собственных похоронах.

Кажется, это сказал Ильф. Я уверен, что в эту минуту мы подумали об одном и том же. Неужели наступит такой момент, когда один из нас останется с глазу на глаз с пишущей машинкой? В комнате будет тихо и пусто, и надо будет писать.

А через три недели жарким и светлым январским днем мы прогуливались по знаменитому кладбищу Нового Орлеана, рассматривая странные могилы, расположенные в два или три этажа над землей. Ильф был очень бледен и задумчив. Он часто уходил один в переулочки, образованные скучными рядами кирпичных побеленных могил, и через несколько минут возвращался, еще более печальный и встревоженный.

Вечером, в гостинице, Ильф, морщась, сказал мне:

— Женя, я давно хотел поговорить с вами. Мне очень плохо. Уже дней десять как у меня болит грудь. Болит непрерывно, днем и ночью. Я никуда не могу уйти от этой боли. А сегодня, когда мы гуляли по кладбищу, я кашлянул и увидел кровь. Потом кровь была весь день. Видите?

Он кашлянул и показал мне платок.

Через год и три месяца, 13 апреля 1937 года, в десять часов тридцать пять минут вечера Ильф умер.

2

И вот я сижу один против пишущей машинки, на которой Ильф в последний год своей жизни напечатал удивительные записки. В комнате тихо и пусто, и надо писать. И в первый раз после привычного слова «мы» я пишу пустое и холодное слово «я» и вспоминаю нашу молодость.

Как это было?

Мы оба родились и выросли в Одессе, а познакомились в Москве.

В 1923 году Москва была грязным, запущенным и беспорядочным городом. В конце сентября прошел первый осенний

дождь, и на булыжных мостовых грязь держалась до заморозков. В Охотном ряду и в Обжорном ряду торговали частники. С грохотом проезжали ломовики. Валялось сено. Иногда раздавался милицейский свисток, и беспатентные торговцы, толкая пешеходов корзинами и лотками, медленно и нахально разбегались по переулочкам. Москвичи смотрели на них с отвращением. Противно, когда по улице бежит взрослый бородатый человек с красным лицом и вытаращенными глазами. Возле асфальтовых котлов сидели беспризорные дети. У обочин стояли извозчики — странные экипажи с очень высокими колесами и узеньким сиденьем, на котором еле помещались два человека. Московские извозчики были похожи на птеродактилей с потрескавшимися кожаными крыльями — существа допотопные и к тому же пьяные. В том году милиционерам выдали новую форму — черные шинели и шапки пирожком из серого искусственного барашка с красным суконным верхом. Милиционеры очень гордились новой формой. Но еще больше гордились они красными палочками, которые были им выданы для того, чтобы дирижировать далеко не оживленным уличным движением.

Москва отъедалась после голодных лет. Вместо старого, разрушенного быта созда-

вался новый. В Москву понаехало множество провинциальных молодых людей для того, чтобы завоевать великий город. Днем они толпились возле биржи труда. Ночевали они на вокзалах и бульварах. А наиболее счастливые из завоевателей устраивались у родственников и знакомых. Сумрачные коридоры больших московских квартир были переполнены спящими на сундуках провинциальными родственниками.

Ильфу повезло. Он поступил на службу в газету «Гудок» и получил комнату в общежитии типографии в Чернышевском переулке. Но нужно было иметь большое воображение и большой опыт по части ночевок в коридоре у знакомых, чтобы назвать комнатой это ничтожное количество квадратных сантиметров, ограниченное половинкой окна и тремя перегородками из чистейшей фанеры. Там помещался матрац на четырех кирпичах и стул. Потом, когда Ильф женился, ко всему этому был добавлен еще и примус. Четырьмя годами позже мы описали это жилье в романе «12 стульев», в главе «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца».

Я не могу вспомнить, как и где мы познакомились с Ильфом. Самый момент знакомства совершенно исчез из моей памяти. Не помню я и характера ильфовской фразы, его голоса, интонаций, манеры раз-

говаривать. Я вижу его лицо, но не могу услышать его голоса.

Я отчетливо вижу комнату, где делалась четвертая страница газеты «Гудок», так называемая четвертая полоса. Здесь в самом злющем роде обрабатывались рабкоровские заметки. У окна стояли два стола, соединенные вместе. Тут работали четыре сотрудника. Ильф сидел слева. Это был чрезвычайно насмешливый двадцатишестилетний человек в пенсне с маленькими голыми и толстыми стеклами. У него было немного асимметричное, твердое лицо с румянцем на скулах. Он сидел, вытянув перед собой ноги в остроносых красных башмаках, и быстро писал. Окончив очередную заметку, он минуту думал, потом вписывал заголовок и довольно небрежно бросал листок заведующему отделом, который сидел напротив. Ильф делал смешные и совершенно неожиданные заголовки. Запомнился мне такой: «И осел ушами шевелит». Заметка кончалась довольно мрачно — «Под суд!»

В комнате четвертой полосы создалась очень приятная атмосфера остроумия. Острили здесь беспрерывно. Человек, попадавший в эту атмосферу, сам начинал острить, но главным образом был жертвой насмешек. Сотрудники остальных отделов газеты побаивались этих отчаянных остряков.

Для боязни было много оснований. В комнате четвертой полосы на стене висел большой лист бумаги, куда наклеивались всяческие газетные ляпсусы: бездарные заголовки, малограмотные фразы, неудачные фотографии и рисунки. Этот страшный лист назывался так: «Сопли и вопли».

3

Как случилось, что мы с Ильфом стали писать вдвоем? Назвать это случайностью было бы слишком просто. Ильфа нет, и я никогда не узнаю, что думал он, когда мы начинали работать вместе. Я же испытывал по отношению к нему чувство огромного уважения, а иногда даже восхищения. Я был моложе его на пять лет, и хотя он был очень застенчив, писал мало и никогда не показывал написанного, я готов был признать его своим метром. Его литературный вкус казался мне в то время безукоризненным, а смелость его мнений приводила меня в восторг. Но у нас был еще один метр, так сказать, профессиональный метр. Это был мой брат, Валентин Катаев. Он в то время тоже работал в «Гудке» в качестве фельетониста и подписывался псевдонимом Старик Собакин. И в этом качестве он часто появлялся в комнате четвертой полосы.

Однажды он вошел туда со словами:

— Я хочу стать советским Дюма-отцом.

Эго высокомерное заявление не вызвало в отделе особенного энтузиазма. И не с такими заявлениями входили люди в комнату четвертой полосы.

— Почему же это, Валюн, вы вдруг захотели стать Дюма-пером? – спросил Ильф.

— Потому, Илюша, что уже давно пора открыть мастерскую советского романа, — ответил Старик Собакин, — я буду Дюма-отцом, а вы будете моими неграми. Я вам буду давать темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править. Пройдусь раза два по вашим рукописям рукой мастера — и готово. Как Дюма-пер. Ну? Кто желает? Только помните, я собираюсь держать вас в черном теле.

Мы еще немного пошутили на тему о том, как Старик Собакин будет Дюма-отцом, а мы его неграми. Потом заговорили серьезно.

— Есть отличная тема, — сказал Катаев, — стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти. Чем не авантюрный роман? Есть еще темки . . . А? Соглашайтесь. Серьезно. Один роман пусть пишет Иля, а другой Женя.

Он быстро написал стихотворный фельетон о козлике, которого вез начальник

пути какой-то дороги в купе второго класса, подписался «Старик Собакин» и куда-то убежал. А мы с Ильфом вышли из комнаты и стали прогуливаться по длиннейшему коридору Дворца Труда.

— Ну что, будем писать? — спросил я.

— Что ж, можно попробовать, — ответил Ильф.

— Давайте так, — сказал я, — начнем сразу. Вы один роман, а я другой. А сначала сделаем планы для обоих романов.

Ильф подумал.

— А может быть, будем писать вместе?

— Как это?

— Ну, просто вместе будем писать один роман. Мне понравилось про эти стулья. Молодец Собакин.

— Как же вместе? По главам, что ли?

— Да нет, — сказал Ильф, — попробуем писать вместе, одновременно, каждую строчку вместе. Понимаете? Один будет писать, другой в это время будет сидеть рядом. В общем, сочинять вместе.

В этот день мы пообедали в столовой Дворца Труда и вернулись в редакцию, чтобы сочинять план романа. Вскоре мы остались одни в громадном пустом здании. Мы и ночные сторожа. Под потолком горела слабая лампочка. Розовая настольная бумага, покрывавшая соединенные столы, была заляпана кляксами и сплошь изрисо-

вана отчаянными остряками четвертой полосы. На стене висели грозные «Сопли и вопли».

Сколько должно быть стульев? Очевидно, полный комплект — двенадцать штук. Название нам понравилось. «Двенадцать стульев». Мы стали импровизировать. Мы быстро сошлись на том, что сюжет со стульями не должен быть основой романа, а только причиной, поводом к тому, чтобы показать жизнь. Мы составили черновой план романа в один вечер и на другой день показали его Катаеву. Дюма-отец план одобрил, сказал, что уезжает на юг, и потребовал, чтобы к его возвращению, через месяц, была бы готова первая часть.

— А уже тогда я пройдусь рукой мастера, — пообещал он.

Мы заныли.

— Валюн, пройдитесь рукой мастера сейчас, — сказал Ильф, — вот по этому плану.

— Нéчего, нéчего, вы негры и должны трудиться.

И он уехал. А мы остались. Это было в августе или сентябре 1927 года.

И начались наши вечера в опустевшей редакции. Сейчас я совершенно не могу вспомнить, кто произнес какую фразу, кто и как исправил ее. Собственно, не было ни одной фразы, которая так или иначе не

обсуждалась и не изменялась, не было ни одной мысли или идеи, которая тотчас же не подхватывалась. Но первую фразу романа произнес Ильф. Это я помню хорошо.

После короткого спора было решено, что писать буду я. Ильф убедил меня, что мой почерк лучше.

Я сел за стол. Как же мы начнем? Содержание главы было известно. Была известна фамилия героя — Воробьянинов. Ему уже было решено придать черты моего двоюродного дяди — председателя уездной земской управы. Уже была придумана фамилия для тещи — мадам Петухова — и название похоронного бюро — «Милости просим». Не было только первой фразы. Прошел час. Фраза не рождалась. То есть фраз было много, но они не нравились ни Ильфу, ни мне. Затянувшаяся пауза тяготила нас. Вдруг я увидел, что лицо Ильфа сделалось еще более твердым, чем всегда, он остановился (перед этим он ходил по комнате) и сказал:

— Давайте начнем просто и старомодно — «В уездном городе N». В конце концов, неважно, как начать, лишь бы начать.

Так мы и начали.

И в этот первый день мы испытали ощущение, которое не покидало нас потом никогда. Ощущение трудности. Нам было очень трудно писать. Мы работали в газете

и в юмористических журналах очень добросовестно. Мы знали с детства, что такое труд. Но никогда не представляли себе, как трудно писать роман. Если бы я не боялся показаться банальным, я сказал бы, что мы писали кровью. Мы уходили из Дворца Труда в два или три часа ночи, ошеломленные, почти задохшиеся от папиросного дыма. Мы возвращались домой по мокрым и пустым московским переулкам, освещенным зеленоватыми газовыми фонарями, не в состоянии произнести ни слова.

Иногда нас охватывало отчаяние.

— Неужели наступит такой момент, когда рукопись будет наконец написана и мы будем везти ее в санках? Будет идти снег. Какое, наверно, замечательное ощущение — работа окончена, больше ничего не надо делать.

Все-таки мы окончили первую часть вовремя. Семь печатных листов были написаны в месяц. Это еще не был роман, но перед нами уже лежала рукопись, довольно толстенькая пачка больших густо исписанных листов. У нас еще никогда не было такой толстенькой пачки. Мы с удовольствием перебирали ее, нумеровали и без конца высчитывали количество печатных знаков в строке, множили эти знаки на количество строк в странице, потом множили на число страниц. Да. Мы не ошиб-

лись. В первой части было семь листов. И каждый лист содержал в себе сорок тысяч чудных маленьких знаков, включая запятые и двоеточия.

Мы торжественно понесли рукопись Дюма-отцу, который к тому времени уже вернулся. Мы никак не могли себе представить — хорошо мы написали или плохо. Если бы Дюма-отец, он же Старик Собакин, он же Валентин Катаев, сказал нам, что мы принесли галиматью, мы нисколько не удивились бы. Мы готовились к самому худшему. Но он прочел рукопись, все семь листов прочел при нас и очень серьезно сказал:

— Вы знаете, мне понравилось то, что вы написали. По-моему, вы совершенно сложившиеся писатели.

— А как же рука мастера? — спросил Ильф.

— Не прибедняйтесь, Илюша. Обойдетесь и без Дюма-пера. Продолжайте писать сами. Я думаю, книга будет иметь успех.

Мы продолжали писать.

Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура, почти что эпизодическое лицо. Для него у нас была приготовлена фраза, которую мы слышали от одного нашего знакомого биллиардиста: «Ключ от квартиры, где деньги лежат». Но Бендер

стал постепенно выпирать из приготовленных для него рамок. Скоро мы уже не могли с ним сладить. К концу романа мы обращались с ним, как с живым человеком, и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу. Это верно, что мы поспорили о том, убивать Остапа или нет. Действительно, были приготовлены две бумажки. На одной из них мы изобразили череп и две косточки. И судьба великого комбинатора была решена при помощи маленькой лотереи. Впоследствии мы очень досадовали на это легкомыслие, которое можно было объяснить лишь молодостью и слишком большим запасом веселья.

И вот в январе месяце 28-го года наступила минута, о которой мы мечтали. Перед нами лежала такая толстая рукопись, что считать печатные знаки пришлось часа два. Но как приятна была эта работа!

Мы уложили рукопись в папку.

— А вдруг мы ее потеряем? — спросил я.

Ильф встревожился.

— Знаете что, — сказал он, — сделаем надпись.

Он взял листок бумаги и написал на нем:

«Нашедшего просят вернуть по такому-то адресу».

И аккуратно наклеил листок на внутреннюю сторону обложки.

Все случилось так, как мы мечтали. Шел снег. Чинно сидя на санках, мы везли рукопись домой. Но не было ощущения свободы и легкости. Мы не чувствовали освобождения. Напротив. Мы испытывали чувство беспокойства и тревоги. Напечатают ли наш роман? Понравится ли он? А если напечатают и понравится, то, очевидно, нужно писать новый роман. Или, может быть, повесть.

Мы думали, что это конец труда, но это было только начало.

4

Мы работали вместе десять лет. Это очень большой срок. В литературе это целая жизнь. Мне хочется написать роман об этих десяти годах, об Ильфе, о его жизни и смерти, о том, как мы сочиняли вместе, путешествовали, встречались с людьми, о том, как за эти десять лет изменялась наша страна и как мы изменялись вместе с ней. Может быть, со временем такую книгу удастся сочинить. Покуда же мне хотелось бы написать несколько строк о записных книжках Ильфа, оставшихся нам после его смерти.

— Обязательно записывайте, — часто говорил он мне, — все проходит, все забы-

вается. Я понимаю — записывать не хочется. Хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя.

Очень часто ему не удавалось заставить себя сделать это, и его очередная записная книжечка не вынималась из кармана по целым месяцам. Потом надевался другой пиджак, и когда нужно было записать что-нибудь, книжечки не было.

— Худо, худо, — говорил Ильф, — обязательно надо записывать.

Проходило еще некоторое время, и у Ильфа появлялась новенькая записная книжка. Он с удовольствием рассматривал ее, торжественно хлопал ее ладонью по картонному или клеенчатому переплетику и прятал в боковой карман с таким видом, что теперь-то уж будет вести записи каждый день и даже ночью будет просыпаться, чтобы записать что-нибудь. Некоторое время книжечка действительно вынималась довольно часто, потом наступал период охлаждения, книжечка забывалась в старом пиджаке, и, наконец, торжественно приносилась домой новая.

Однажды Ильфу после настойчивых его просьб подарили в какой-то редакции или издательстве громадную бухгалтерскую книгу с толстой блестящей бумагой, разграфленной красными и синими линиями. Эта книга ему очень нравилась. Он без

конца открывал ее и закрывал, внимательно рассматривал бухгалтерские линии и говорил:

— Здесь должно быть записано все. Книга жизни. Вот тут, справа, смешные фамилии и мелкие подробности. Слева — сюжеты, идеи и мысли.

К своим увлечениям Ильф относился иронически. Он несомненно любил эту толстую книгу, как носительницу совершенно правильной идеи — все записывать. Но он знал, что все равно никогда не заставит себя записывать каждый день в течение всей своей жизни, и потому подшучивал над книгой. Постепенно увлечение прошло, и в книге появились рисунки, небрежные и резкие ильфовские рисунки, где какой-нибудь профиль, или шапочка с пером, или странный верблюд с пятнадцатью горбами («верблюд-автобус», как называл его Ильф) были повторены десятки и даже сотни раз.

После Ильфа осталось много книжечек. Некоторые из них заполнены только наполовину, некоторые на треть, а в некоторых записи занимают лишь две-три странички. Остальные пусты или покрыты рисунками.

В 1925 году мы еще не начали писать вместе с Ильфом, и он главным образом занимался журналистикой.

Редакция послала Ильфа в Среднюю Азию. Это было его первое большое путе-

шествие. Он потом часто и с удовольствием о нем вспоминал.

Разбирая записные книжки Ильфа, мы нашли заметки, касающиеся поездки в Среднюю Азию. Ильф был очень строг и даже беспощаден в своих литературных вкусах. От писателя он требовал точности, умения собрать и заготовить впрок наблюдения, неожиданные словесные обороты, термины. Мельком услышанные рассказы какого-нибудь случайного попутчика, кусочек ландшафта, промелькнувший в окне вагона, цвет неба или моря, форма дерева или описание животного — вот чему были посвящены его первые записи.

Это была, если можно так выразиться, писательская кухня.

Впоследствии, работая вместе, мы, прежде чем начать писать задуманную книгу, заготовляли на листах бумаги самые разнообразные наблюдения, сюжеты и мысли. Я уже говорил о том, что сейчас невозможно установить, кто что придумал. Но кое-что Ильф извлекал из своих записных книжек и требовал того же от меня.

Во время последнего путешествия по Америке мы купили пишущую машинку. Ильф очень увлекся ею. Ему нравился самый процесс печатания. В первый же вечер (это было в Нью-Йорке) он сел писать, вернее — печатать дневник. Он со-

бирался делать это каждый день. Но поездка была так утомительна, что на дневник не хватало ни времени, ни сил.

Вернувшись в Москву, уже смертельно больной, Ильф снова вернулся к этой идее и стал регулярно записывать свои наблюдения, но уже не в форме дневника, а в виде коротеньких самостоятельных записей. За последний год своей жизни он напечатал так около двух листов.

Эти заметки он делал весной 1936 года в Остафьеве и в Кореизе, затем летом на даче под Москвой, осенью — в Форосе и зимою, с 1936-го на 37-й год, в Москве.

Эта последняя работа — не просто «писательская кухня». На мой взгляд, его последние записки (они напечатаны сразу на машинке, густо, через одну строчку) — выдающееся литературное произведение. Оно поэтично и грустно.

Ильф знал, что умирает. Потому так грустны его последние записи. Он был застенчив и ужасно не любил выставлять себя напоказ.

— Вы знаете, Женя, — говорил он мне,— я принадлежу к тем людям, которые входят в двери последними.

Только в двух местах рукописи Ильф вспоминает о своей болезни :

«. . . и так мне грустно, как всегда, когда я думаю о случившейся беде».

«Такой грозный ледяной весенний вечер, что холодно и страшно делается на душе. Ужасно как мне не повезло».

Это все, что он написал о себе.

Евгений Петров

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Как забыть, Самарканд, твои червонные вечера, твои пирамидальные тополя, немого нищего, целующего поданную медную монету.

Ярко-зеленые женские халаты.

Персидские глаза Мухадам. Длинное до земли платье.

Над школой, распустив крылья, летит коршун.

С паранджи свисают длинные, у самой земли соединенные, хвосты.

Город замощен кирпичом.

Хозяин чайханы с огромным зобом.

Привяжется к вам нищий, получит монету и еще папиросу попросит. На уличках ишаки и лошади текут потоком. На Регистане пыль и гром. Возводят леса, реставрируют Шир-Дор. Уныло стонет нищий. Под сводом Улуг-Бег стол накрыт красным сукном — будет публичный суд.

На чалме поднос, на нем лепешки. Ослик тащит привязанные к его бокам молодые, очищенные от коры, стволы деревьев.

Женщины ходят все больше в голубоватых и синеватых паранджах. Только одну я видел в черной. Это персиянка. Одна была в серой парандже.

Заслонив лицо от солнца портфелем, едет в зеленой тюбетейке ответственный.

Ишаков постукивают по шее толстой прямой веткой. Верх экипажа откинут назад и накрыт полотняным чехлом с вышитыми редко на нем красными звездами — это, кажется, экипаж Совнаркома. Нищий на Регистане сидит под самодельным зонтиком — на две перекрещенные планки нацеплено мешочное полотно.

Рынок. Палевые кувшины — гончарный ряд. Совершенно невыносимое по запаху коническое мыло. Здание, изнутри завешанное тюбетейками. В темноту его въезжают на ишаках и лошадях. Кипы мануфактуры стоят корешками, как книги. Женщины проходят скромно и молча. Бухарские еврейки паранджи не носят, но от мусульман закрываются халатом (надет на голову). Автомобили здесь редки и необычны. Женщины в белом. Вообще они в незаметных цветах. Спадают кожаные калоши, обнажая задники ичигов. На базаре мальчик продает мухоморы. Он долго и громко торгуется с хозяином трех корзин, наполненных мухами и абрикосами. Наконец, хозяин берет листы. Сразу собираются люди посмотреть, как завязнет первая муха. Муха попадает, и большинство удовлетворенно расходятся.

Мальчик идет дальше. Погибшая муха замещается тысячами других. Погибающая густо звенит.

В лавочках стучат молотки, выковывают подковки для калош, набивают гвоздиками на калоши медные украшения-пластиночки. Красят в две краски (зеленое и фиолетовое кольцо) детские жестяные ведерки. К узбеку, присевшему наземь с сырой кожей (еще с рогами), прилипли целые

кусты мух. Летит по рынку фаэтон с двумя завернутыми женщинами. Летает по небу местный ассенизационный обоз—коршун.

Узбеки любят полежать у арыков. Подстелит коврик и лежит по своему усмотренью. Молодые узбеки идут рядами через базар.

Мальчик с бритой головой и косичками.

Я уезжал из Самарканда ночью, которая расстраивает, трогает человека и берет его шутя. Фонарики экипажа, тишина, мягкое качанье, поблекшее, чудесное небо и половина луны, сцепившейся с прохожим облаком. Пыль смирно лежала в темноте, все трещало, казалось, трещало небо (цикады?). Это все было очень трогательно. Мухадам, когда говорила, вытягивала белую нитку из заплаты на своем красном в белую клетку платье.

У Владимира Яковлевича я обитал под ореховым деревом с крупными листьями. Керосиновый самовар сверкал своим слюдяным окошечком. Владимир Яковлевич никогда не снимал шапки. Когда его укусила в язык оса и ему было плохо, он снял

шапку, но накинул на голову платок. Он худ и говорит медленно и всегда серьезно.

Коричневые почки, величиной и видом похожие на помидоры. Старик на самаркандском базаре предлагал их.

Маленький самаркандский вокзал с его зеленоватой и толстой изразцовой печью лежит далеко от города.

Долину Зеравшана проехали ночью. Утром успел глазом захватить какие-то горы — низкие и желтые на первом плане и высокие розово-фиолетовые позади. Станция Голодная Степь. Декхане в овечьих мономаховых шапках двух цветов — верх коричневый, низ из черной длинной закрученной шерсти.

Т а ш к е н т. Хороша его европейская часть. Старый город несравним с самаркандским. Русские улицы обсажены великолепными тополями и карагачами.

К Ташкенту мы ехали через абрикосовые и яблочные, геометрически расположенные сады. Мимо молодых узких тополей. Мимо зеркальных рисовых полей. Мимо вагонов, груженных баранами.

Узбек продает розы. Большой медный поднос, полный роз. Цветник на подносе.

Куриный базар. Кур не видно, зато сколько угодно штанов и местной рулетки. Это круглый стол, утыканный по всему краю гвоздями. Снизу крутится штуковина с гусиным пером. Можно выиграть медный самовар. А можно и не выиграть.

Навострил свои карандаши и пошел в Красно-Восточные мастерские.

Вместе со мной пришли на экскурсию ученики трехмесячных профкурсов Средне-Азиатского бюро ВЦСПС—узбеки, таджики, туркмены, уйгуры. Курсы готовят низовых профработников для кишлаков. Оттуда же (из кишлаков) и большинство курсантов.

Инструментальная. Ремонт и выделка инструментов. Шумит пневматическое сверло. Курсантка держит чадру в руках. Фрезерные станки. На насекальном станке производится насечка круглого напильника.

Станок для насечки плоских напильников. Делаются толстые, квадратные бруски. Молодой рабочий с предохранительными очками на лбу смущен и улыбается, что на

него так смотрят. Здесь же и сверла делаются. На стене висят рисунки скорой помощи. При случае могут починить и пишущую машинку.

К и п ч а к. Хадырбаев Алтымбаш. С 12 лет работал батраком. Родители тоже были батраками. Был пастухом. Нигде не учился. 1 мая поступил на курсы. Послал Рабземлес.

В 18-м году организовал коллективное хозяйство. От баев отобрали землю. В коммуне были батраки, красноармейцы и рабочие. Это было до 19-го года.

В 19-м году в Ташкенте был Краевой Комиссариат земледелия. Комиссаром сделался бай Хушбигиев. Он потворствовал баям, возвращал землю, выгонял артели и давал землю отдельным лицам. Хадырбаев в феврале 19-го года приехал в Ташкент и обратился к начальнику особого отдела. По материалам Хадырбаева собрали собрание — три тысячи человек. На собрании был Куйбышев. Хадырбаев, оборванный, выступил с часовой речью и разоблачениями. Хушбигиева на другой день убрали и посадили.

Хадырбаев остался работать в городе. В сентябре 19-го года поехал в Фергану

на борьбу с басмачами. Участвовал в съезде народов Востока.

Развод с мужем. Ей было 10 лет и 3 года, она жила с 43-летним мужем, который купил ее у матери во время голода за небольшую сумму.

Страшноватая ночь в гостинице. Одеяла нет, вместо подушки дается наволочка. Цыганки в черных митрах и цыганята. Девочка с зеленой серьгой в носу и другая, с продетым через бок носа большим кольцом с украшениями. У них нет ни квартиры, ни революции, ни газеты. Цыганки все в перстнях и браслетах. Серебро и большие камни. У девочки на груди большие серебряные медали. Велики глаза, черны лица и курносы носы. Толпа спорит из-за них: «У них форма такая». Симфония черно-фиолетовых цветов. Руки татуированы темно-синими мелкими часто поставленными рисунками. Цыган в халате (фиолетовые полоски) и кремовой феске. Небольшая борода и усы.

За Джагалашем по всему горизонту дым, как от взрывов снарядов, — горит камыш. Ползет молодая саранча, еще летать не может, но иногда на четверть аршина об-

кладывает путь — приходится высылать паровозы для очистки пути. Колеса буксуют, саранча жирная.

Т е т ю ш и. Лесенка в 840 ступенек. Зеленый и розовый берег.

С е н г и л е й. К маленькой пристани бегут в розовых рубашках дети и медленно идут из-за зеленой рощи взрослые. Оркестр уходит в город собирать на митинг.

Потом все идут обратно, переходя мостик.

В 10.20 выехал из Москвы в Нижний. Огненный Курский вокзал. Ревущие дачники садятся в последний поезд. Будто бегут от марсиан. Поезд проходит бревенчатый Рогожский район и погружается в ночь. Тепло и темно, как между ладонями.

Утро. На станции Сейша машинист хватает тонкий жезл, как шпагу.

В трамвае кондуктор ужасно завопил «простите, граждане».

Н. - Н о в г о р о д. Белоснежный, вышедший из ремонта в первый свой рейс «Герцен». Украшен плакатами, транспарантами.

22-аршинная надпись «4 тираж крестьянского займа». Выставка НКФ в салоне 1-го класса. Электрические тиражные колеса в зале 3-го класса. Сегодня первый день тиража. Звенят медные трубы, созывая всех на розыгрыш. Походные штаты Наркомфина, машинистки. Выставка исторически показывает развитие и ход денежной системы СССР от тряпочек самоуправлений до блещущих червонцев.

Начинается тираж. За столом председателя радиоусилитель.

Комиссия приступает к свертыванию билетиков. Пакет с опечатанными билетами имеет пять комплектов от ноля до 9-ти. Кроме миллионов, они от 0 до 4. Желающие проверить технику беспрерывной цепью тянутся перед столом. На пароходе бойко торгуют облигациями. Рослый бородач приходит, как в трактир: «Дайте парочку».

Пристань Нефторга. Черное Сормово. Нефтеналивные баржи. Собрались с пионерами на горке, засыпанной щепками и мусором. Сормово — город пролетариев. В пыли под наклоненными лучами солнца бегут к «Герцену» пионеры.

Когда начинается «да здравствует», музыканты уже надувают щеки. Читается не

резолюция, а текст, годный для конституции республики средних размеров.

Выступление Синей блузы на второй палубе перед народом, собравшимся разноцветной толпой на берегу и на пристани со знаменами. Киноаппарат работает. Ребятишки плещутся в воде и орут: «Снимай меня».

Бармино. Толпа на берегу. Большое село. На деревянной пристани полно ног и рук. Нас обгоняет из Нижнего теплоход «Карл Либкнехт».

Юрино. Труба зовет из села. С лесного берега пришли черемисы. Замок Шереметьева. Кирпичная безвкусица.

Козьмодемьянск стоит на высоченном горном берегу.

Село Ильинка. Представитель Госбанка углубился в дебри. Велосипед, лежащий на земле, похож на большие очки в стальной оправе. Из разрозненных изб выходят правильные отряды. По-русски Ильинка, по-чувашски «Илинка».

Мальчишка хочет купить «Ленин о молодежи». Пионер говорит: «Да ничего ты

не поймешь». Оба ругаются, а мальчик все-таки прицепивается, но неподходяща цена.

Чебоксары — чуваши. Вывески на двух языках. Пароход «Парижская коммуна», полный нежности и москвичей. При подходе с его шканцев тяжело бухается вниз корзина с фруктами. Немедленно с берега понеслись лодки с волгарями на поимку.

— На том свете за красненькую не увидишь, что тебе здесь покажут! — уговаривают старушку.

Приходит девушка, спрашивает, нельзя ли вклады класть тайно от мужа, он пьет и курит.

Казанский мост проезжали на закате солнца.

Казань. Луна над лесным гребнем. Черная и желтая волжская вода. Кремль и аккуратная Сумбек-башня. Этнографический музей и буддийские молитвенные мельницы. (Обстановка реки, знаки на перекатах.) Зародыши с лягушечьими лапками. Клуб деревянный. Великое безмолвие библиотеки-читальни.

Собрание в саду «Эрмитаж». Мягко звучащее дыхание медных труб.

А гулять на что будем?

Шлепнется на твою облигацию тысяча, вот и поднял хозяйство.

С высоченного крутого берега по тропкам и зигзагообразной лестнице спускаются делегации. Знамена реют на дорогах. Первыми на «Герцен» проникают пионеры.

1926 г.

Есть звезды незаслуженно известные, вроде Большой Медведицы.

Поправки и отмежевки.

Ослабленный страхом инженер. Личные его отношения с громкоголосым делопроизводителем.

Клубышев. Кастраки. Плохачев.

Путаясь в соплях, вошел мальчик.

Каучуконосов.

Улучшанский-Ухудшанский.

Июньский-Июльский.

Ледовитов.

Папахин.

Нерасторгуев.

Парижанский-Пружанский.

Младокошкин.

Командировочных.

Торжество в восточном вкусе.

Дирекция просит публику не нарушать художественной цельности спектакля аплодисментами во время хода действия.

Потребовались песни, стихи, романы, обряды, жилища и новое уменье хорошо держать себя в обществе.

Из-за головотяпства не выпустили календарей, и люди забыли, какие числа. Продолжалось это месяц.

Эй, Матвей, не жалей лаптей.

Медали лежали грудами, как бисквиты на детском празднике.

Бисквитное сиденье рояльной табуретки.

Резонансное дерево. Скрипка цвета копченой воблы.

Страдания глухого после внедрения звукового кино.

Костюм из шерсти дружественных ему баранов.

Мать и дочь необыкновенно похожи друг на друга. Допустим ли такой параллелизм в работе.

Упражняйте свою волю. Не садитесь в первый вагон трамвая. Ждите второго. А второй всегда идет только до центра.

Вчера во мне проснулся частник. Мне захотелось торговать.

Кара-Курт. Все выбежали из учреждения. И в опустевшем доме жил паук. Поймали его только на второй день.

«Собирайте кости своих друзей — это утиль».

Отправляясь в гости, собирайте кости.

Что снится рыбе.

Осторожный и непонятный юридический язык.

— Вы культурное наследие царизма. Мы вас используем.
— Ну, не используете.
— Всосем.
— Нет, не всосете.

Поедешь в город, там хорошо, коммунальные услуги.

Это сбесишься.

В передней на крюке под потолком висит велосипед в простыне.

Предел застенчивости. Служитель, открывающий крышку рояля перед концертом, всю жизнь волнуется.

Калоши счастья.
Как трудно было их достать и как они погубили владельца. Он обменивал их и в театре убегал за пять минут до конца.

Однажды в театре толпа, увидя его бегущим, подумала, что пожар, и в панике искалечила его.

Полк на параде и впереди командир на извозчике.

Такой некультурный человек, что видел во сне бактерию в виде большой собаки.

Костистая извозчичья лошадь бежала так быстро, что взорвалась, когда остановилась.

Я пришел к вам, как мужчина к мужчине.

---

1. Хамите.
2. Хо-хо.
3. Знаменито!
4. Мрачный.
5. Мрак.
6. Жуть.
7. Парниша.
8. Не учите меня жить.
9. Как ребенка.
10. Красота!
11. Толстый и красивый.
12. Поедем на извозчике.
13. Поедем на таксо.
14. У вас вся спина белая.
15. Подумаешь!
16. Уля.
17. Ого.

Я страшно не люблю деньги.

Поступил в продажу зеркальный сом, живой и сонный.

Слезы, пролитые на спектаклях, надо собирать в графины.

В тот час праздника, когда с деревьев сыплются электрические лампочки.

Грезидиум.

Ассоциация парикмахеров «Синяя борода».

Шляпами закидаем.

Одеколон «Чрево Парижа».

Иди по начатому тобой пути.

Прекрати начатый тобой путь.

Известковые кренделя на стеклах новых домов.

Почему я должен уважать бабушку? Она меня даже не родила.

Цинковый носик.

Меня тошнит от запаха чистой воды.

Надо показать ему какую-нибудь бумагу, иначе он не поверит, что вы существуете.

Он вел горестную жизнь плута.

Давайте ходить по газонам, подвергаясь штрафу.

Борис Абрамович Годунов, председатель жилтоварищества.

Человек в лунной жилетке с львиной прической. По жилету рассыпаны звезды.

Целые жернова швейцарского сыра.

Девица. Коротконосая. Жрет лимон с хлебом и поминутно роняет на пол трамвайные копейки.

В прекрасную погоду заграничный академик стоял посреди Красной площади, растопырив ноги, и в призматический бинокль смотрел на икону над Спасскими воротами.

Совхоз называется «Большие Иван Семенычи».

Все для похорон. Бюро «Вечность».

Подвал «Уголок».

Столовая «Аромат».

Братья Глобус.

Глава учреждения купил картину и созвал художников, чтоб узнать ее качество.

Каждый человек благороден только в своей среде.

Полевая кошка, сиречь заяц.

На лбу вытатуировали нецензурное слово.

Изобретенческие вопросы.

Она знала все языки, но после тифа все забыла.

Лихорадушка, мужа старого, ты тряси его, тряси.

Наряду с недочетами есть и ответственные работники.

Попойников.

Расцветала в публичном саду.
И дрожала она, как мимоза,
Тщетно ждя своего череду...

Машина, которая печатает, складывает и даже прочитывает журнал.

Человек и жалобная книга.

Ловелас с шоколадом.

Циничная погода.

Планомерная ангина.

В квартире, густо унавоженной бытом, сами по себе выросли фикусы.

Название для театра — «Принципиальный театр».

От почтительности медленнейшим образом опускались на стулья. Замедленная съемка.

Фасонное обращение: «Друг мой».

Представитель акц. о-ва «Жесть», как ужаленный, посмотрел на девушку в черном шелковом пальто.

Угол шкафа, срезанный, как лыжа.

Оперный певец хороший, но плохо играет. И только роль Германа ему удается, потому что он страстный картежник.

Опасно ласкать рукой радиаторы парового отопления — они всегда покрыты пылью.

Меня пригласили на пароход и обещали кормить. На второй день есть не дали. Чиновник, к которому я обратился, во время объяснения со мной упал в трюм. И два дня мне не давали есть. Он болел, а без него дела не решались.

Что сделал конкурс гримас.

Подносят подарки уезжающему. Он прячет их и остается.

Шницель под бриллиантовым соусом из слез.

Чтоб дети ваши не угасли,
Пожалуйста, организуйте ясли.

Шахматная доска в чернильных пятнах, похожая на старую парту.

По улице бежит Иван Приблудный. В зубах у него шницель. Ночь.

«Лица, растрачивающие (расход) свыше 3 рублей, могут требовать счет».

Царь-кустарь.

И снова Г. продал свою бессмертную душу за 8 руб.

К концу вечера хозяйка переменила костюм и оказалась в голубой пижаме с белыми отворотами. Мужчины старались не смотреть на хозяйку. Глаза хозяина сверкали сумасшедшим огнем.

Человек не знал двух слов — «да» и «нет». Он отвечал туманно: «Может быть, возможно, мы подумаем».

Г. Колоколамск.

Объявление: «Зашли три гуся».

Ах, как трудно быть красивым, когда некрасив.

Лучшие бороды в стране собрались на спектакль.

На стол был подан страшный, нашпигованный сплетнями гусь.

Никелированный, усыпанный цветными клавишами бюст кассы «Националь».

Лорд главный судья посоветовал ему не питать никаких несбыточных надежд и убедительно просил его приготовиться к переходу в вечность. Смертный приговор будет приведен в исполнение 14 июня.

— Ну, что, старик, в крематорий пора?
— Пора, батюшка.

Культпоход в Колоколамске или как 1000 грамотных обучала одного неграмотного.

Тяжелая, чугунная, осенняя муха.

Взбесившийся автомат.

В Колоколамске жильцы выпороли жильца за то, что он не тушил свет в уборной.

Василевский (не-Шиллер).

Надькинд.

Из статьи в газете: «По линии огурцов дело обстоит благополучно . . .»

В носу растет табак.

Фирма «Шариков и Подшипников».

Лишены избирательного права в Англии несовершеннолетние, пэры и идиоты.

— Ф., иди по начатому тобой пути.
И она пошла.
— Ф., прекрати начатый тобой путь.
Но она уже не прекратила.
— Никакого созвучия душ.

Нужно унизить горный хребет.

Порцию аиста!

Ему 33 года. А что он сделал? Создал учение? Говорил проповеди? Воскресил Лазаря?

Драматическая сцена, которая не удалась из-за пожара. Объяснение при свете факелов оказалось бледным. И только поздно ночью загрохотали рюмки и послышался громовой голос.

Как уменьшилась вражда между собаками и кошками.

Торопитесь, через полчаса вашей даме будет сто лет.

Актеры не любят, когда их убивают во втором акте четырехактной пьесы.

Репетиция оперетты. В холодном темном зале. «Дайте станок для танго». Маэстро играет, когда давно уже окончился танцевальный номер. В ложах сидят розовые балерины. В фойе повторяют танец. Балетмейстерша в кудряшках прыгает во все стороны. Костюмы из глазета.

Афина — покровительница общих собраний.

Ни пером описать, ни гонораром оплатить.

Попугай-сквернослов.

Ах, это кузница здоровья? И Г. извивался перед человеком в барашковом сером воротнике.

Сам себе писал множество писем, чтобы досадить почтальону.

Несудимов.

Человек, который проникновенно произносил: «Кушать подано».

Волосы из прически лежали на столе, похожие на паука.

Столичная штучка. Выбритый лоб, бородка, литературно-артистически-художественное лицо, открытый ворот рубашки «апаш» и шарф из розового фланилета.

Пром-кооп. т-во «Любовь».

Электрическими искрами сверкала замороженная штукатурка.

Шестигранный карандаш задрожал в его руке.

Профессор киноэтики. А вся этика заключается в том, что режиссер не должен жить с актрисами.

Разорились на обедах, которыми угощали друг друга.

На чистой сливочной лирике.

Вошел М., окруженный адъютантами и адъютантшами.

Человек, в котором неукротимо стремление к симметрии, порядку.

Он не выносил катаклизмов.

Подсознательный насморк.

Трубчатые макароны, вермишель, суповая засыпка.

Полноценный усач.

Человек в кино, похожий на Суворова, в бобровой шапке.

Посреди комнаты уборщица в валенках стряхивала термометр.

«О пожарах звонить по № . . .»

«О растратчиках звонить по № . . .»

Все зависит в конце концов от восприятия : легковерные французы думают, что при 3° мороза уже нужно замерзать — и действительно замерзают.

Конкурс лгунов. Первый приз получил человек, говоривший правду.

Все талантливые люди пишут разно, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком.

Дымоуправление.

Емельянингс — киноактер.

Дворницкие лица карточных королей. Тонкая и сатирическая улыбка валета треф. Глуповатая немецкая красавица дама бубен с поднятыми бровями. Туз пик, похожий на одинокую репу. Малиновые ягодицы червей.

В моде были кожаные бутылочки на ногах.

Старомодный человек — он пел цыганские романсы, играл на биллиарде и бегах.

Московская гурия.

Кот повис на диване, как Ромео на веревочной лестнице.

Секция «Труб и Печей».

Вор-вегетарианец.

Вакханюк, Вакханский, Вакханальский.

Глупый ангел.

Глаза у кота, как мишени.

О Гаммере она еще слышала, но о Гомере ничего не знает.

Вышестоящий товарищ.

Бытово.

Белая лошадь, высокая и худая, бежит во весь опор.

На высокой лестнице в книжной лавке приказчик сидел, как скворец.

Судя по сообщениям о нищих, можно подумать, что легче всего разбогатеть, сделавшись нищим.

Омолодился и умер от скарлатины.

Не курил 12 лет, и все это время ему хотелось курить.

Муки человека, бросившего табак. Мысли о плачевной участи табачной промышлен-

ности. И так в жизни мало радостей. Жаль благородного занятия, чисто мужского и мужественного.

Последний промысел. Отдавать пса в женихи.

В нем жила душа гуся.

Тусклый, цвета мочи, свет электрической лампочки.

По рублю с мозоли.

Экстракт против мышей, бородавок и пота ног. Капля этого же экстракта, налитая в стакан воды, превращает его в водку, а две капли — в коньяк «Три звездочки». Этот же экстракт излечивает от облысения и тайных пороков. Он же лучшее средство для чистки столовых ножей.

Аптека. Провизоры яростно растирают порошки и яды в толстых чашках. По автомату говорят влюбленные и спортсмен. Парочки сидят вдоль стен. Нищие отворяют двери. Не хватает только пинг-понга и тира.

Когда она проходит мимо телефона, мембрана начинает сама по себе звучать.

В корне отметаю!

Глупость хлынула водопадом.

Крыса бежит с корабля! Неверно, — робко ответила из толпы крыса.

П. Г. в травяном пальто, белый, розовый и голубой, с розовыми очками.

Я как коммерческий директор тоже отвечаю за идеологию.

Брови как серп луны в начале апреля.

Дамасские лилии, нильские огурцы, египетские лимоны, горные тюльпаны и жасмины из Алеппо.

Кусок мяса, завернутый в листья бананов.

Сахарные завитки на масле. Лимонные паштеты. Воздушные пирожные, сделанные на масле, молоке и меде.

Знайте же, о члены комиссии по сокращению штатов, что жил некогда бедный счетовод в Багдаде.

Щеки как горные тюльпаны.

И подарил ему 1000 анкет.

О, зловещая борода!

О, зрачок моего глаза.

Голый, как луковица, череп.

Великий комбинатор.

Дьяволы и бесы ремонта.

Потухшее рыло.

Памятник Первоопечатнику.

Мне не нужна вечная игла для примуса. Я не собираюсь жить вечно.

Салат «Демисезон».

Так не везло. Купил «Жиллет» без дырочек.

Анализ мочи — на стол мечи.

Стригут и бреют газон.

Он вел горестную жизнь плута.

Многоствольная роща.

Контора рогов и копыт.

Как в бухгалтерских книгах отражается жизнь.

Среди бухгалтеров тоже существуют ранги. Кто старше, у того счеты лучше. От сосновых до пальмовых.

Маленький мальчик на даче:
— А курица потеет?

Когда все в Одессе разрушится, морские ванны по-прежнему будут сиять и переливаться светом. Одесситы любят морские ванны.

Пианист бросил играть, потому что в первом ряду сидел господин и вертел носком желтых ботинок.

---

2 роск. фикуса прод.

Собаки — Альма, Ничевок, Джемка.

Поэтические имена — Алла, Муза.

Вы думаете, что детей звали Каин и Авель? Нет, история не повторяется.

Горящий обломок луны и дикий пейзаж, тяжелое лунное море, черный столб от потухшего прожектора.

Гражданин Грубиян.

Каламбуркул.

Холодный философ.

Отдаться мало!

У него была искусственная рука, и рука эта не знала жалости.

Странный город, куда памятники навезли с кладбища.

Штормовая ангина.

Трое перед фотографом, напряжены. После съемки сразу смеются и идут вольней и быстрей.

О человеке, просидевшем 20 лет в крепости. Он выходит и видит свою дочь такой, с какими он боролся.

И присоединился к великому стану золотоискателей, расположившихся в Камергерском переулке.

Седеющее бебе.

Бедные титаны. Они помахивали тросточками, но их лица, желтые, как сера, выдавали явное раздражение.

Золотые французские булочки. Золотая перчатка. Золотой поросенок. Золотой крендель.

Объявление в саду: пиво отпускается только членам союза.

Надпись на магазинном стекле в узкой железной раме — «Штанов нет».

Мамцев.

Ящеричные и лягушачьи галстуки.

Больной моет ногу, чтоб пойти к врачу. Придя, он замечает, что вымыл не ту ногу.

Пожаром признается всякое несчастье, происшедшее от огня, какие бы причины его ни вызвали.

Император — кооператор.

Я не от градобития или мордобития какого-нибудь. Я чистейший агент по страхованию от огня.

Речь об окурках и способах их собирания.

Гражданин Сууп.

Человек, живущий ребусами.

Трест «Метеорит» образовался для разработки метеорита.

Как изменились сновидения.

Девочка пасла шары.

Дама с мальчиком остановилась у окна парикмахерской. Красные и розовые болванки с париками.

«А я знаю, что это такое», — говорит мальчик.

«Что?»

«Скальп».

Арарат. Ковчега не видно, но у подножия горы лежал очень пьяный Ной.

Ясно, что имеются достатки: шубки, юбки, крашены губки, подведены бровки, каждый день обновки, красивы завитушки, в ушах побрякушки, и все в этом роде, что оно по моде.

Бойтесь данайцев, приносящих яйцев.

Приказано быть смелым.

Мне нужен покровитель с сосцами, полными молоком и медом.

Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу.

Иванов решил нанести визит королю. Узнав об этом, король отрекся от престола.

Крахмальный замороженный воротник.

Деревьянный, мьясо, пьять.

Яблоко с родинкой.

Плохой сбор. Грабеж зала. Публика делит лучшие места. Выбирают хорошие и покидают их для еще лучших.

Дирижер размахивает желтым карандашом с металлическим наконечником.

Уважай себя.
Уважай Кавказ.
Уважай нас.
Посети нас.

Вечером в субботу, когда все требуют полбутылки, барышня капризным голосом спрашивает:

— Есть у вас консервированный горошек?

Рыбья голова на тарелке, большая, как собачья.

Военно-полевые цветы.

Уксусные усы.

Розовый, плюшевый носик.

Известковая луна.

Человек объявил голодовку, потому что жена ушла.

Новелла о полюсе.

Уши трепались от ветра, как вымпела.

Табачная живопись в подвале. Месаксуди. Стамболи.

Вулкан Пока-Пока.

Дантистка Медуза-Горгонер.

Не горит ли ваше имущество, пока вы сидите здесь в театре? (Плакат Госстраха.)

Сад зловещих предостережений.

1929 г.

Застенчивый влюблен в машинистку и подает ей для перепечатки объяснение в любви. Взрыв клавиш. В секунду все напечатано. Только легкий дымок вьется над машинкой. Она даже не заметила, что это объяснение. Застенчивый глубоко оскорбился и всю жизнь ходил пришибленный.

Пополамов.

Ужаснов.

Пешая статуя.

Две двойни.

Подпись: семь лосиноостровских матерей.

Гигиенишвили.

Шары, увядшие за праздник, падали в деревню.

Планомерная ангина.

Напрасно вы здесь стоите, здесь ничего не будет показано, показано будет только внутри, билет стоит тридцать копеек, напрасно вы здесь стоите, показано будет только внутри.

Боязнь подхалимажа дошла до такой степени, что с начальством были просто грубы.

Артель «Рефлекс».

Столовая «Фантазия».

Заносис.

Кофточка в полумесяцах. Красная в желтых.

Управдом-скульптор.

Человек, потерявший память, живет чужой жизнью и в конце концов действует против самого себя.

Конрад Вейдт ищет комн., жел. в центре, плата по соглаш., тел. 2-05-27.

Братья Бабец.

Гостиница «Лобзик».

Белые, эмалированные уши.

От весны было такое впечатление, будто играют на барабане.

Часовщик Дворца Труда. Его бродячее (из комнаты в комнату) ремесло.

Минеральные стельки. Идеал от пота ног. Радикальное средство.

«Просьба о скатерти руки не вытирать».

В 1920 году в пустынный порт пришел итальянский пароход со шляпами-канотье.

Над городом послышался скрип колеса Фортуны.

Ввести в известную пьесу еще одно лицо, которое перевернет все действие.

Я пришел к вам, как юридическое лицо к юридическому лицу.

Девочка из Глезера и Петцольда.

За время революции многие не успели вырасти, так и остались гимназистами.

Актер умирает и беспокоится, почему с ним не заключают ангажемента. Чтобы его успокоить, приезжает директор лучшего театра и подписывает с ним невероятный контракт. Актер выздоравливает и получает неслыханный гонорар.

Ставлю вас в известность, что у меня пропал кусок мыла.

Файфоклок с колбаской. Дамы в пижамах, мужчины в толстовках.

Благоуханыч.

Так хотелось аплодировать, что был зуд в ладонях. Но так как попасть на пьесу не удалось, то на ладонях сделалась нервическая экзема.

Человек хороший и приятный, но так похож лицом на брата, что поминутно ждешь от него какой-то гадости.

— Кина не будет! — раздался крик на докладе, и зал опустел.

Контора заготовляет голубиный помет или тигровые когти (или башлыки).

Куриная грудь.

Плоская ступня.

Распутин местного почтового отделения.

Стютюэтки.

Пардон, еще пардон.

Ну, я не Христос.

«Содержимое этой тубы
Спасет ваш рот и зубы».

Время, когда все рекламы были в стихах

Ко мне хорошо относятся крестьяне обоего пола.

У обезьян крадут бананы и снабжают ими Москву.

И теде и тепе.

Загорелся сыр-божий.

Что вы испытываете, ковыряя в носу? Наслаждение или тоску?

Вывалив язык, бежал человек.

Из гравюры предложили сделать пьесу.

Порвал с сословием мужчин и прошу считать меня женщиной.

Саванорыло.

Сидя на кукаречках.

Нормальный железнодорожный пейзаж.

— Крепкий у вас волос, — сказал парикмахер, который в будние дни играл на скрипке.

«Золотой теленок».

Справченко.

В марте в саду растут розги.

Говорил «слушаю» в телефон, всегда не своим голосом. Боялся.

Его окатили потные валы вдохновения.

Кот — идиот. Когда ни откроешь дверь, он обязательно влезет в квартиру. И ничего за три года не нашел, а лезет.

Кольцо с масонскими знаками. Череп и кости. Имеется отделение для яда.

Двое в А. Зажиточный доктор смотрит сквозь кулак. Его спутник в пенсне и смотрит еще через пенсне, которое держит, как лорнет.

Мнения не высказывают. Достойно молчат.

Нашему тыну двоюродный плетень.

Путешествие в страну непуганых идиотов.

Тов. Кретищенко.

Преждевременная аллея.

Серна Моисеевна.

Лоб, избороженный пивными морщинами.

У старушки узкий ротик, как у копилки.

Сползаешь на рельсы, скатываешься!

По каким признакам объединяются люди? Служащие, вдовы...

Подбородок, как кошелек.

Одну пару рогов я заготовил, но где взять копыта?

Под портретом плакат «Соблюдайте тишину». И это казалось заповедью.

«В ночной тиши слышен был только стук лбов».

Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, у кого ты украл эту книгу.

Рыба южных морей? Селедка!

Солист его величества треснулся лбом.

Нам такие нужны. Он знает арифметику. Он нам нужен.

Оратор вкрадчивым голосом плел общеизвестное.

Человек, потерявший жанр.

Все языки заняты, кроме языка черноногих индейцев.

Выгнали за половое влечение.

Украли пальто, на обратном пути все остальное. И он вышел из вагона, сгибаясь под тяжестью мешка с дынями, которые подарила ему мама.

Отравился наждаком. Первый случай в истории клиники Склифосовского.

Чистка больных.

А рожать все так же трудно, как и 2000 лет назад?

Дети говорят, как взрослые: «Понравилась тебе эта дама?»

Что может изготовлять кооп-т-во «Любовь»?

Гефтий Иванович Фильдеперсовых-Чулков.

Тов. Жреческий.

Гуинпленум.

Филипп Алиготе.

Усвешкин, Ушишкин и Усоскин.

Бронзовый свет.

Такое впечатление, будто все население в трамваях переезжает в другой город.

Одинокий ищет комнату. Одинокому нужна комната. Одинокий, одинокий,

страшно одинокий. Одинокий с дочерью ищет комнату.

У него было темное прошлое. Он был первый ученик, и погоня за пятерками отвлекла его от игр. Он не умел кататься на коньках, не играл на бильярде.

Он был такого маленького роста, что мог услышать только шумы в нижней части живота своего соседа, пенье кишок, визг перевариваемой пищи. Пища визжит, она не хочет, чтоб ее переваривали.

Нападение тигра, подшитого бильярдным сукном, на бунгало.

Половые разногласия.

«Иногда мне снится, что я сын раввина».

На основе всесторонней и обоюдоострой склоки.

При расстановке основных сил на театре вы будете сметены.

У вас туманные представления о браке. Вас кто-то обманул.

Опять смотреть, как счастливцы спускаются по мраморным ступеням...

Номера нет, пальмы растут, настоящие Гагры.

Искусство на грани преступления.

Хозгод.

Что бы вы ни делали, вы делаете мою биографию.

Немцы вопили: «Ельки-пальки».

Потенциальная гадюка.

Настроение было такое торжественное, что хотелось вручить ноту.

Снег падал тихо, как в стакане.

Теория потухающей склоки.

Девушка шла через приемную, прижимая к глазам платок.

Ветчинное рыло.

Подлейший из ангелов.

Старые анекдоты возвращаются.

До революции он был генеральской задницей. Революция его раскрепостила, и он начал самостоятельное существование.

Не гордитесь тем, что вы поете. При социализме все будут петь.

Самогон можно гнать из всего, хоть из табуретки. Табуреточный самогон.

Невинные на вид люди. Но при прикосновении к ним преображаются, как при ударе электричеством.

За срастание со львами — царями пустыни.

Бог правду видит, да не скоро скажет. Что за волокита?

Умалишенец.

Мрачная лавина покупателей, дефилирующая перед прилавками и, не останавливаясь, направляющаяся к выходу.

Носил все вещи с пломбами.

На почтамте оживление. «Дорогая тетя с сегодняшнего дня я уже лишонец».

Быстрое течение вещей. Они мелькают. И вдруг все останавливается, каждая вещь становится значительной, каждую вещь подолгу осматривают.

Старуха, которая никогда ничего не заработает. Она слишком громко кричит о своем товаре — средстве от пота ног.

Пришли два интуриста и купили огромный кустарный ковш с славянской надписью: «Мы путь земле укажем новый, владыкой мира будет труд».

Боченочков.

Это была обыкновенная компания — дочь урядника, сын купца, племянник полковника.

Он за советскую власть, а жалуется он просто потому, что ему не нравится вообще наша солнечная система.

Долговязыч и Сухопарыч.

Если у вас есть сын, назовите его Голиафом, если дочь — Андромахой.

Не красна изба углами,
А красна управделами.

И голова его, стуча, скатилась к ногам.

Лампа в 1000 свечей. Счетчик срывается со стены и летает, как гроб, по комнатам.

Девочка с пальмочкой на голове.

Татуированные сотрудники.

Сумасшедший дом, где все здоровы.

Заскакиванье. Бытовое загнивание.

Выигрыш в 50 000 р. пал на гражданина нашего города Ивана Самойловича Федоренко (Виноградная, 17, кв. 5). Выигравший пожелал остаться неизвестным.

За что же меня лишать всего! Ведь я в детстве хотел быть вагоновожатым! Ах, зачем я пошел по линии частного капитала!

Два-три человека могут изменить тихий город. Дать ему новые песни, шутки, обычаи.

«Я умру на пороге счастья, как раз за день до того, когда будут раздавать конфеты».

У останков Эйльсона, накрытых звездным флагом. Вдова. Фотографы не снимают. Не смеющаяся. И вдова улыбнулась над прахом.

Главная аорта города.

«Стальные ли ребра?» «Двенадцать ли стульев?» «Растратчики» ли?

Собака так предана, что просто не веришь в то, что человек заслуживает такой любви.

Система работы «под ручку». Работник приезжает на службу в 10 часов, а доходит до своего кабинета только в 4.

В огромной статье (800 строк) человек беспрерывно утверждал: «Товарищ такой-то отличается главным образом лаконичностью своего письма».

Всегда есть человек, который изо всех сил хочет высказаться последним.

Почему он на ней женился, не понимаю. Она так некрасива, что на улице оборачиваются. Вот и он обернулся. Думает, что за черт! Подошел ближе, ан уже было поздно.

Ему важно только найти формулу, чтоб удобней было жить, лучше себя чувствовать.

В защиту пешехода. Пешеходов надо любить. Журнал «Пешеход».

Побасенков.

Романс :

«Это было в комиссии
По чистке служащих».

«Иоанн Грозный отмежевывается от своего сына» (Третьяковка).

Оказался сыном святого.

Еще ни один пешеход не задавил автомобиля, тем не менее недовольны почему-то автомобилисты.

Неваляшки, прыгалки, куклы-моргалки. Зайцы с писком.

Свежий пароходный ветер. Пароходная комната.

Вы, владеющий тайной стиха!

Смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащим.

Нашествие старых анекдотов.

Стойкое облысение.

Клуб «Домосед».

«Пешеходы что делают! Так под машинами и сигают».

Хвост, как сабля, выгнутый и твердый.

Пер-Лашезов.

Ему не нужна была вечная иголка для примуса. Он не собирался жить вечно.

Кончен, кончен день забав,
Стреляй, мой маленький зуав.

Наша жизнь — это арфа.
Две струны на арфе той.
На одной играет счастье, —
Любовь играет на другой.

Четыре певицы, четыре хорошо одетых женщины пришли жаловаться. Речь: «У нас в посредрабисе при квалификации происходит колоссальная петрушка».

Вечер. Маленький оркестр из саксофонов. Мраморные салфетки. Девушка в очках. Дети с громкими фамилиями. Сын такого-то, дочь чайного короля. Стоптанные башмаки и ноги длинные, как лук-порей. Немецкий профессор с деревянной бородкой. Его облили ледяной водой из шампанского ведра. И вода замерзла на его конической лысине.

Человечество делится на две части. Одна, меньшая, переходит дорогу при виде трамвая или автомобиля, другая — ждет, чтобы экипажи прошли.

Откуда у русского человека фамилия Попугаев?

В большой, пустой комнате стоит агитационный гроб, который таскают на демонстрациях.

Маленькие лужицы вздрагивают на мостовой.

Две американки приехали в Россию, чтобы узнать секрет приготовления самогона.

— Не называйте меня Жар-Птицей, зовите меня просто Нюрочкой.

С трудом из трех золотых сделали один и получили за это бессрочные каторжные работы.

Прыгает на ходу в трамвай. У него 10 руб. и 73 коп. Клянется, что у него только 73 коп. и отдает их. В трамвае замечает, что потерял заветный червонец, и бежит на поиски. Находит, но их отбирают как чужие деньги. На крики милиционер отвечает: «Ведь у вас денег не было». Напоминает ему о 73 копейках.

Переезжают на новую квартиру и видят, что там клопы. Сера. Дым пробивается в щели. Сосед высаживает две рамы. Дым вырывается наружу. Думают, что пожар. Вызывают команду. Результаты: клопы остались, 20 рублей за серу, 20 рублей за вызов пожарных и две разбитые рамы.

Женщина, при виде которой вспоминается объявление: «Вид голого тела, покрытого волосами, производит отталкивающее впечатление».

Сумасшедший, которому запретили иметь детей и у которого желание иметь детей стало манией.

Кегельбойм.

Часовая мастерская «Новое время».

Постройка воздушного замка.

Воздушная держава, подданные которой не спускаются на землю.

Человек, с которым надо сидеть рядом и указывать ему, что хорошо, а что плохо, иначе он может перепутать.

Если человек говорит: «Мне нужно освежить в памяти сюжет», это значит, что он ничего не читал.

Когда гиганты, размахивая зонтиками, ушли на прогулку, в их дом пробрался карлик.

Черты идиота явственно выступали на его лице.

Идите, идите, вы не в церкви, вас не обманут.

— С таким счастьем и на свободе!

В доме отдыха не знают ни профессий, ни должности друг друга.

Золотая доска. И ошибка в надписи на ней.

Пруды просвещения.

Королева всех закусочных.

Всемирная лига сексуальных реформ.

Он положил на стол браунинг и перочинный ножик. Вот все, что осталось от моего друга.

Выдвиженщина.

Шпиц, похожий на муфту.

Гей, ты моя Генриэтточка.

Фабрика военно-походных кроватей имени товарища Прокруста.

Начало. Белые суконные брюки в полоску. Эти брюки он прожег папиросой, и с этого начался рассказ о меценатке. Фарфоровая чашка, вор, костюмы, визитные карточки, 3000, ложа в Большом театре. И позорный конец, левая живопись. Вильно. Арендная плата.

Не знали, кто приедет, и вывесили все накопившиеся за 5 лет лозунги.

Молодые длинноногие курсанты.

Черно-блестящий цвет.

Доктор Страусян.

В зоосаду некоторые звери сумасшедшие.

Атлетический нос.

Обвиняли его в том, что он ездил в баню на автомобиле. Он же доказывал, что уже 16 лет не был в бане.

Регистрация граждан, желающих кушать ананасы.

Прогулка в воздухе. Желая во что бы то ни стало попасть в число участников, все начали с маленьких подлостей, а окончили такими большими, что произошел общий крах.

Военно-полевые цветочки.

В окнах пейзажи. Написанные, они вызывали бы скуку.

Из душа повалил пар.

Беспокойный город. Все что-то хотят купить и нервно входят и выходят из магазинов.

Вы шкура! Этим я хотел определить место, которое вы занимаете среди полутора миллиардов людей на земле.

Кино приехало.

Кипятил свои мозоли.

Самоубийства дворников весной, когда в апреле внезапно выпадает густой снег.

У растолстевшей девушки бедра сделались большими, как у извозчика зимой.

Медицинские весы для лиц, уважающих свое здоровье.

Не давите на мою психику.

Магазин дамского трикотажа. Мужчины сюда не ходят, и дамы ведут себя совершенно как обезьяны. Они обступили даму, примеряющую пальто, и жадно ее рассматривают.

Работницы на газоне работают в позе пишущего амура.

Крытых — Рынков.

Крайних — Взглядов.

Интересных — Девушек.

---

20 сыновей лейтенанта Шмидта. Двое встречаются.

В учреждение вбежал человек с палкой и ударил кого-то по голове.

Даже не для собаки, а для кошки украшение.

Торговала, как испанцы с индейцами.

Автомобиль имел имя. Его часто красили.

По случаю учета шницелей столовая закрыта навсегда.

Станция Анадысь.

Купили замечательную машину и стали из-за нее спорить. А машина стояла.

Толстый биллиардист приехал в Гагры, провел весь день в биллиардной, стуча шарами, а к вечеру уехал, заявив:

— Я здесь не могу жить. Горы меня душат.

Глядя на него, перестаешь верить, что человек произошел от обезьяны — начинаешь думать, что он произошел от коровы.

Частники и соучастники.

Низко на поле горели лампы. Трава чистила ботинки. Росли цветочки. Стояли

часовые. Бледно светили автомобильные фары. Уезжающие стояли с бледными лицами. Потом выбросили корреспондентов за борт, в море зеленой травы. Принесли в жертву.

Внесметные и сверхсметные толпы.

Узнавание Москвы в различных частях Ярославля. Очень приятное чувство.

С криком «не видала ты подарка» бросали в воду разные предметы.

Гулкая зала суда. Реплики грохочут. Заседатель, у которого только один вопрос: «А вы с ним давно знакомы?»

Стригут и бреют газон.

Пайщики разделяются совсем не по стажу — разделяются на губошлепов и крикунов.

Фотограф. Фон—колоннада и Аврора. На углу висит матросская форменка для желающих сняться в этом боевом виде.

Хохотала, хохотала, пока не охрипла.

Мундир пожарного. Пришлось купить — другого не было.

Артель «Красный петух».

У нас общественной работой считается то, за что не платят денег.

Как многие из малограмотных, он очень любил писать — просто он уважал те приборы, которыми пользовался, — чернильницу, пресс-папье и толстую сигарную ручку.

На островах Жилтоварищества.

Сушил усы грелкой. Любимое было удовольствие.

Один этаж надстроило одно учреждение, второй — другое. Причем оба между собой враждовали.

Лицо, неистощенное умственными упражнениями.

Он так много и так давно пьет, что изо рта у него пахнет уже не спиртом, а скипидаром.

Вас я помню, а стихи забыл.

Бывший князь, а ныне трудящийся Востока.

Что ты орешь, как белый медведь в теплую погоду?

Хамил, а потом посылал извинительные телеграммы.

Генеральное общество французской ваксы.

Человечество чего-то боится. Оно зарывает в землю граммофонные пластинки, фильмы, тревожно старается напомнить, что оно жило, что была цивилизация.

Все превращается в трамвай, магазин, музей, этим окрасилась часть века. Сначала не поняли этого, потом спохватились, стали бороться.

Обрывает воздушные шары. «Любит — не любит».

Странный русский язык на проекте Корбюзье. «Президюм». «Выход свиты». «Зала на 200 человеков».

По линии наименьшего сопротивления все обстоит благополучно.

В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет.

Утреннюю зарядку я уже отобразил в художественной литературе.

— Я, товарищи, рабочий от станка...
— И тут не фабриканты сидят.

Если бы Эдиссон вел такие разговоры, не видать бы миру ни граммофона, ни телефона.

«Требуется здоровый молодой человек, умеющий ездить на велосипеде. Плата по соглашению». Как хорошо быть молодым, здоровым, уметь ездить на велосипеде и получать плату по соглашению.

Два брата-ренегата. Рене Гад и Андре Гад.

Был у меня знакомый, далеко не лорд. Есть у меня знакомая дама, не Вера Засулич. Художник — не Рубенс.

— Вы марксист?
— Нет.

— Кто же вы такой?

— Я эклектик.

Стали писать — «эклектик». Остановили. «Не отрезывайте человеку путей к отступлению».

Приступили снова.

— А по-вашему эклектизм — это хорошо?

— Да уж что хорошего.

Записали: «Эклектик, но к эклектизму относится отрицательно».

Счастливец, бредущий по краю планеты в погоне за счастьем, которого солнечная система не может предложить. Безумец, беспрерывно лопочущий и размахивающий руками.

Ваше твердое маленькое сердце. Плоское и твердое, как галечный камень.

Ария Хозе из оперы Бизе.

«Молю о скромности и тайне» (романс).

В первые минуты бываешь ошеломлен бездарностью и фальшью всего — и актеров и текста. И так на самом лучшем спектакле.

Сквозь замерзшие, обросшие снегом плюшевые окна трамвая.

Серый, адский свет. Загробная жизнь.

Это был не кто иной, как сам господин Есипом. Господин Есипом был старик крутого нрава. Завещание господина Есипома. Господин Есипом не любил холостяков, вдов, женатых, невест, женихов, детей — он не любил ничего на свете. Таков был господин Есипом.

Отрез серо-шинельного сукна. Теперь я сплю под ним, как фельдмаршал.

Когда в области темно-синего кавалерийского и светло-синего авиационного сукон обнаружатся новые веяния, прошу меня известить.

Мне обещали, что я буду летать, но я все время ездил в трамвае.

Вы даже представить себе не можете, как я могу быть жалок и скучен.

Привидений господин Есипом не любил за то, что они появляются только ночью, а фининспекторов за то, что они приходят днем. Это также относилось к числу странностей господина Есипома.

Можно собирать марки с зубчиками, можно и без зубчиков. Можно собирать штемпелеванные, можно и чистые. Можно варить их в кипятке, можно и не в кипятке, просто в холодной воде. Все можно.

Это я говорю вам, как Ричард Львиное Сердце.

Звезда над газовыми фонарями и электрическими лампами Сивцева Вражка.

Меня все время выталкивали из разговора.

— Ты меня слышишь?
— Да, я тебя слышу.
— Хорошо тебе на том свете?
— Да, мне хорошо.
— Почему же ты такой грустный?
— Я совсем не грустный.
— Нет, ты очень грустный. Может, тебе плохо среди серафимов?
— Нет, мне совсем не плохо. Мне хорошо.
— Где же твои крылья?
— У меня отобрали крылья.

Когда покупатели увидели этот товар, они поняли, что все преграды рухнули, что все можно.

«Полны безумных сожалений».

Шляпа «Дар сатаны».

Кругом обманут! Я дитя!

Надо иметь терпениум мобиле.

Одинокий мститель снова поднял свой пылающий меч.

Что же касается «пикейных жилетов», то они полны таких безумных сожалений о прошлом времени, что, конечно, они уже совсем сумасшедшие.

Глуховатые, не слушающие друг друга люди. Большая часть времени уходит у них на улаживание недоразумений, возникших уже в самом разговоре, а не из-за принципиальных разногласий.

Я был на нашей далекой родине. Снова увидел недвижимый пейзаж бульвара, платанов, улиц, залитых итальянской лавой.

Холодные волны вечной завивки.

Лучшего пульса не бывает, такой только у принца Уэльского.

Привидение на зубцах башни.

1931 г.

Возьмем тех же феодалов.

В некоем царстве, ботаническом государстве.

Садик самоубийц.

Вы одна в государстве теней, я ничем не могу вам помочь.

Я не художник слова. Я начальник.

Толстовец-людоед.

Тыка и ляпа. Так медведи говорят между собой.

Он не знал нюансов языка и говорил сразу: «О, я хотел бы видеть вас голой».

По какому только поводу не завязывается у нас служебная переписка!

Левиафьян.

Авгиев.

Чем дальше в лес, тем больше дров.
Чем меньше дров, тем больше вдов.
Чем больше вдов, тем лучше.
Баба с воза — кобыле легче.

Он подошел к дяде не как сознательный племянник...

Бабушка совсем размагнитилась.

Кошкин глаз, полосатый, как крыжовник.

Пролетарский писатель с узким мушкетерским лицом.

Тот час утра, когда голуби жмутся по карнизам.

Писатель подошел к войне с делового конца — начал изучать вопрос о панике.

Неправильную установку можно выправить. Отсутствие установки исправить нельзя.

Наш командир — человек суровый, никакой улыбки в пушистых усах не скрывается.

Полное совпадение боевого документа с идейным решением.

В тот час, когда у всех подъездов прощаются влюбленные.

Я, как ворон, по свету носился,
Для тебя лишь добычу искал,
Надсмеялся над бедной девчонкой,
Надсмеялся, потом разлюбил.

Я тоже хочу сидеть на мокрых садовых скамейках и вырезывать перочинным ножом сердца, пробитые аэропланными стрелами. На скамейках, где грустные девушки дожидаются счастья.

Вот и еще год прошел в глупых раздорах с редакциями, а счастья все нет.

Стало мне грустно и хорошо. Это я хотел бы быть таким высокомерным, веселым. Он такой, каким я хотел быть. Счастлив-

цем, идущим по самому краю планеты, беспрерывно лопочущим. Это я таким бы хотел быть, вздорным болтуном, гоняющимся за счастьем, которого наша солнечная система предложить не может. Безумцем, вызывающим насмешки порядочных неуспевающих.

Почему, когда редактор хвалит, то никого кругом нет, а когда мямлит, что плоховато, что надо доработать, то кругом толпа и даже любимая стоит тут же.

Печальные негритянские хоры.

«Как тебе не стыдно бить жену в воскресенье, когда для этого есть понедельник, вторник, среда, четверг, пятница и суббота. Как тебе не стыдно пить водку в воскресенье, когда для этого есть понедельник, вторник...

Как тебе не стыдно...»

На маневрах Белорусского военного округа.

Минск. Листья буфетной пальмы блестят, как зеленая кровля.

Плитчатый одесский тротуар.

Столовая в Пуховичах, в с.-х. техникуме. Голубая комната, потолок, оклеенный обоями. Домашние кружевные занавески.

Дом со свежим лиловым цоколем недалеко от Пуховичей.

Грех Немезиды.

Левин съедает завтрак командующего.

Ильфа и Петрова томят сомнения — не зачислят ли их на довольствие как одного человека.

— У меня есть с собой вещества, — сказал фотограф.

Трехкотельная кухня. Один — для супов, второй для каш и пилавов, окруженный глицериновой рубашкой, чтобы не подгорали (оба имеют топки), третий — для сладкого. Духовые помещения для утвари—противней, мясорубок, эмалированных мисочек—зависть домашних хозяек.

Прошла повозка с одетыми в зеленые чехлы медными трубами.

Внутренность танка. Вдоль стенок аптечные полки со снарядами.

«После этого с папашей было покончено», — как говорят туземцы острова Пасхи.

Два близнеца — Белмясо и Белрыба.

Детская любовь к машине. Уверенность в том, что она может сделать все.

В соседней комнате внезапно поссорились врачи.

Ночью раскрылась дверь, показался комендант с крысоловным фонарем, кинул тюфяк, молча бросился на него и, видимо очень разозленный, сразу заснул.

Парикмахер с яркими зелеными петлицами.

Инспектор питания.

Бронепоезд (скульптура ранних кубистов).

Заяц считал, что вся атака направлена против него.

При виде танка самая хилая колхозная лошадь встает на дыбы.

Бронепоезд, декорированный зеленью.

Молодой командир, длинный, тонкий, ремни скрипят.

Атака танков через картофельное поле. Пушечные выстрелы. Поворот на пулеметы.

Атака пехоты на солнечной опушке.

— В уставе написано! — сказал он гневно.

Член Реввоенсовета сказал, что у меня вид обозного молодца.

Командир бронепоезда, похожий на Зощенко.

Фадеев, человек нерасторопный, наконец дорвался до атаки и солнца. Но тут ему в рамку попал режиссер. И Фадеев ужасным голосом закричал: «Назад!», так что атакующие остановились и стали оглядываться.

— Это не вам, — сказал Фадеев. И разрешенная кинооператором атака продолжалась.

Дождь капает с каски, как с крыши, и стучит по каске, как по крыше.

...От лязганья шпор, от топота здоровых мужчин, от всей картины войны...

Ходил в тяжелых сапогах, как на лыжах, не подымая ног.

Кооперация стала быстрее работать, соприкоснувшись с аппаратом Красной Армии.

Все прячутся, будто от солнца, под разными кустиками. А на деле все готовы в любую минуту броситься.

Молодые люди в черных морских фуражечках с лакированными козырьками и их девушки в вязаных шапочках, ноги бутылочками.

Мародерский.

— Нам нужен социализм! — Да, но вы социализму не нужны.

Писатель со странностями всех сразу великих писателей.

Оробелов.

— Что это у вас там на полке?
— Утюг.
— Дайте два.

Лодки уткнулись носами в пристань, как намагниченные.

Сначала вы будете считать дни, потом — перестанете, а еще потом внезапно заметите, что вы стоите на улице и курите.

Замшевый, кошелечный зад льва.

Попугаи с трудом научили свою руководительницу выступать в цирке. Долго ее ругают за нечистую работу после каждого представления.
«Дай поцелую, дай поцелую».

По лицу его бродила безобразная улыбка.

Над писательской кассой: «Оставляй излишки не в пивной, а на сберкнижке».

«Есть так хочется. Нет ли у вас котлеты за пазухой?»

Построили горы для привлечения туристов.

Гостиница работает, как большая электрическая станция. Снизу, со двора, доносятся тяжелые удары и кипение, а в коридорах чисто, тихо и светло, как в распределительном зале.

С нарзанным визгом поднялись фонтаны.

«Дано сие тому-сему (такому-сякому) в том, что ему разрешается то да се, что подписью и приложением печати удостоверяется.

За такого-то
За сякого-то».

Кавказский набор слов, как поясок с накладным серебром.

Паркетные мостовые Ленинграда.

Счастливые годы прошли. И уже показался человек в деревянных сандалиях. Нагло стуча, он прошел по асфальту.

Домашние хозяйки, домашние обеды, домашнее образование, домашние вещи.

Слепой в сиреневых очках—вор.

Теоретик пожарного дела. Стенгазета «Из огня да в полымя». Ходил с пожарными в театры. Учредил особую пожарную цензуру.

Плохо! На меня давит столб воздуха с силой 214 фунтов.

Елена—женщина, скрывающая под своей прекрасной внешностью половую распущенность.

Ахилл — герой, скрывающий под внешней храбростью трусость.

Калхас — дрянь.

Агамемнон—ничтожество.

«Мы вместе учились» (романс).

Биллиардистам: — Эй, вы, дровосеки!

1933 г.

Вы не даете доформулировать!

Товарищи, если мы возьмем женщину в целом . . .

«Бежевые туфли и такого же цвета лиловые чулки».

Красивенький мужичок, дай копеечку.

Красивенький мужичок, дай пятачок.

Дело обстоит плохо, нас не знают. Один читал отрывок в журнале «30 дней». Если

читатель не знает писателя, то виноват в этом писатель, а не читатель.

Веселые паралитики.

Любопытства было больше, чем пищи для него.

Белый пароход у самой улицы. В него упирается переулок. Красные трубы, голубые звезды, капитаны.

Восток, неимоверный Восток, добрый, жадный, скромный.

Не пейте кофе, кофе возбуждает. Он не спал всю ночь. Но не из-за самого кофе, а из-за цены на него — 15 пиастров чашечка.

Перестаньте влачить нищенское существование. Надоело!

Трехслойные молочные берега на Эгейском море...

Ночь, Эгейское море. Оранжевый серп над горизонтом. Толстая розовая звезда. Фиолетовая и базальтовая вода перед вечером.

Не в силах отвести глаз от витрин, так и не заметил он Стамбула и Афин.

Темный лунный вечер в Средиземном море. Неподвижная, большая, чистая звезда.

В 10 часов вечера с левого борта я увидел действующий вулкан Стромболи. Красный огонь с правого склона высокого острова. Ночью дождь, московский, холодный. Утром чистота, голубой холодок, высокое Капри, Сорренто в тумане, Везувий с лепным облаком дыма.

Помпея. И вот я вступил на плиты этого города. Чувство необыкновенное. Столько слышать, читать и, наконец, увидеть. Тихие, чистые, почти московские переулки, надписи под стеклами со шторами, фонтаны, прочное, добротное и богатое жилье. Изящный театр, грубоватая, но в высшей степени элегантная роспись на стенах. Баня вызывает зависть и уважение к этим людям. Надо полагать, что это был город изнеженный, гордый своим богатством, циничный и смелый. Виды, открывающиеся из-за колонн и руин. Здесь ходят туристы: одинокие и группами. Красавица в белой с повисшими полями шляпе.

Ее не очень могучий муж и глаза любопытные и как бы скромные. Немцы идут кучей и задыхаются от смеха, слушая собственные шутки.

Гробницы пап в подвалах Сан-Пьетро. Запах ладана (банный запах мыла). И всюду стоят на коленях, целуют и трогают руками святые скульптуры.

Мы были в Ватикане, но не вошли. Закрыта на день Сикстинская капелла. Банковские мраморы и лифты, удобства международного отеля.

Я прошел на форум Траяна тем же путем, что и в первый день, когда мы только приехали, когда вечернее солнце пылало за колонной Траяна.

Манекены в магазине. Очень хороши, особенно те, что немножко карикатурны. Толстяки, холодные денди, фаты, мужественный носач. Автобус подвез меня к Чиди. Я оказался у вокзала. Зала эмигрантов. Кирасир спит, держа золотую каску в руке. Что было еще? Фонтан горел зеленой каймой.

Сравнили! Сонная громада — и эта девушка, гордая, застенчивая, некрасивая и самоотверженная.

Дождь в Венеции. Зеленый, нежный и прочный цвет воды, черные гондолы и сиреневые стекла фонарей.

Площадь св. Марка. Толстые, грубые, нахальные, как коты, голуби. Они слетаются на хлеб со всей площади, жадные, тупые.

Ангелы с золотыми крыльями тоже похожи на голубей. Венецианское стекло и просто кривые палки. Гондольеры в черном.

Отъезд в Вену. Граница в Травизио. Деревушки в снегу под откосом. Фонари. Тишина. Снег. Сразу новые люди. Это поразительно. Все итальянцы сошли, немцы в зеленых шляпках, перья. Тесный угол Европы. Словенец, поляк, соц.-демократ, бывш. офицер и мы.

Поляк воевал против нас с Деникиным, потом против нас в польской войне, потом против Пилсудского, эмигрировал, разводил кур в Ривьере, теперь амнистирован, едет в Варшаву.

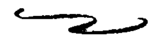
Словенец живет в Триесте, не терпит итальянцев. Австриец, бывший офицер, был в оккупации Украины, говорит по-польски. Женя всю ночь говорит со словенцем на 16-ти языках.

Конечно, мир безумен. Безумны нищие на улицах Вены, безумен порядок, все безумно и девушки в том числе.

Швейцария. Садики такие аккуратные, что похожи на кладбища. Прейскурантская красота — нас не обманывали.

Цюрих. Цюрихское озеро, глянцевитое и спокойное.

Базель. Моет стекла француз с трехцветной повязкой.

1935 г.

11 октября 1935 г.

Если не записывать каждый день, даже два раза в день, что видел, то все к черту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь. Уже плохо помню, что было вчера. Что же было вчера? Утром пошли к мистеру Айзнеру в его офис. Дошли пешком до Мэдисон-сквера. На четвертом этаже действительно сидел Айзнер. В офисе по распространению тикетов сидели еще две барышни и жена самого распространителя тикетов, немолодая дама с такими неслыханно печальными еврейскими глазами, что родиться восточнее или западнее Киева она никак не могла. Мы вручили ей подарок Айзнера, бутылку мужского тройного одеколона и два флакона московских духов «Магнолия». Кто из москов-

ских модниц поверит, что из Москвы везут в Нью-Йорк духи в подарок?

Потом Айзнер вытащил запыленный «Ундервуд», о котором говорил еще на пароходе, но вел себя джентльменски. Когда мы не выразили желания его купить, он молча утащил его. Вместе с ним мы отправились в кооперативный магазин Амторга, недалеко от «Принц Джорджа», где мы жили в первый день. Поднялись на двадцатый этаж, прошли мимо двери, на которой висело рукописное объявление «Библиотека», и оказались в кооперативе, очень похожем на закрытый распределитель. Рядом с граммофонами лежал кусок лососины, боржом был теплый, хотя культура льда и холода во всей стране необыкновенная и лед дают ко всему, чуть ли даже не к супу. Купили за тридцать три доллара машинку «Ройял», я купил автоматическое перо и мелочи. Заходили еще с Айзнером в десятицентовый магазин «Вульворта» за бумагой, сели на империал автобуса и поехали в свой «Шелтон Отель». Тут я обнаружил, что в кооперативе с меня взяли на 18 долларов больше, чем следовало. Сейчас же пришел Поллак, автор книги «СССР в образах и лицах». Он возбудил в нас желание получить деньги с «Русского голоса» за печатание «Двенадцати стульев». Не успели мы разговориться на эту увле-

кательную тему, как пришли Хиндус и Джо Фримен. О себе Фримен сказал, что через десять дней кончает роман и тогда с нами увидится. Хиндус говорит по-русски свободно. Фримен немножко. Снова отправился на двадцатый этаж Амторга и получил назад 18 долларов. В начале четвертого были уже в консульстве и вместе с Жан Львовичем и Еленой Михайловной поехали обедать к Дюранту. Там встретился с моей будущей учительницей английского языка. Условились начать завтра в девять утра. Когда я заговорил о плате, она вдруг заявила, что у нее афазия и что она сообщит мне на уроке, сколько это будет стоить; зависит от моих способностей. Обедали в передней. На столе стояло маленькое деревянное корыто с салатом и на нем ложка и вилка, тоже деревянные. Прислуживала худая негритянка Нелли. Вечером были в Мэдиссон Сквер Гарден, смотрели «Родео», состязания ковбоев. Программа «Родео» у меня осталась, записывать не буду, вспомню и так. Пили чай в китайском ресторане на «Колумбус Серкл».

11 октября

Редактор «Русского голоса» совершенно с нами согласен. Надо было просить разрешения печатать «Двенадцать стульев»,

надо авторам платить гонорар, но денег нет, и он считает, что получить ничего нельзя в том месте, где ничего нет. Мы, однако, монотонно повторяли, что имеем желание получить гонорар. Еще при нем пришел Поллак и, выждав его ухода, прочел восторженное интервью с нами, которое он написал. До четырех часов день прошел довольно бестолково, в четыре мы были у Фаррара. Нас снимал фотограф и заставлял хохотать, применяя для этого весьма примитивное средство — сам хохотал во все горло. После этого брал интервью журналист нью-йоркской газеты Скрипс-Говарда. Вопросы были такого рода: «Назовите две вещи, которые вам больше всего понравились в Нью-Йорке, и две, которые вам не понравились». Обедали в дрянном итальянском ресторанчике, вечером начали писать очерк о «Нормандии». Утром брал первый урок английского языка. Урок будет стоить два доллара. Какие у меня способности, так и не понял, потому что не знаю, дорого это или дешево. Если что-нибудь забыл, допишу потом. Все летит мимо, все забывается немедленно

12 октября

Устал, но эту страницу надо дописать до конца. Спал мало, боялся проспать час урока. Выбежал на улицу в кафетерий,

где от застенчивости и неумения общаться с людьми в странах, говорящих на английском языке, съел только две сосиски и выпил чашку кофе. Занимался. Язык стал немножко проясняться, но при моей неусидчивости особенно хороших результатов ждать нельзя. Поехали на ярмарку в Денбюри. Сегодня суббота и, кроме того, еще Колумбус дей — день открытия Америки. В первый раз увидел американскую дорогу. Она выстлана бетонными плитами, разделенными температурными швами. Машины катятся с карусельной плавностью, дорога так красива, что смотрел только на нее, не обращая внимания на замечательный красный осенний пейзаж. По пути нас нагнал полицейский на мотоцикле и приказал остановиться. Жан Львович ехал посреди дороги, мешая задним машинам обгонять нашу, когда место на краю дороги было свободно. Это нарушение правил. Но когда полицейский узнал советских русских, то подал консулу руку и отпустил без штрафа. Ехали через городки Порчестер, Гринвич, Стамфорд и Норволк. В Норволке остановились и завтракали у Гомбарга, служащего гольдинговой компании «Атлас-Корпорейшен». Большая его дача стоит на скалистом холмике. Здесь встретились с его женой, журналистом Билс, специалистом по Ла-

тинской Америке, и женой Билса, перуанкой, маленькой комичной дамочкой двадцати лет.

13 октября

Неожиданная поездка. Туннель в две мили под Гудзоном. Дорога. Остановка в Немфорде. Филадельфию мы обошли стороной. Это укорачивает путь на 60 миль. Переправа на пароме через Потомак. Балтимору проехали вечером. Феерическое зрелище автомобилей на ночной дороге.

Пасмурное утро в Вашингтоне. Все обочины в этом провинциальном столичном городе заставлены автомобилями. Машины так шумят, будто пневматическими зубилами взламывают бетонную мостовую.

Завтрак в аптеке. Подает доктор. Я покупаю пасту и йод. Поездка по Вашингтону в машине. Капитолий, пустые залы сената и конгресса. Бюст Ундервуда в ремонте. Завтрак. Поездка в Маунт-Вернон. Идиллический пейзаж. Дом Вашингтона. Нет еще ничего, чего бы я не видел в кино. Пешеходов нет, все в машинах. У них скоро атрофируются ноги, останутся только штучки, чтоб нажимать педали.

Текучая страна; если мы не задержимся, книгу написать не удастся.

15 октября

Выехали из Вашингтона в 10 часов, пульмановским вагоном. 10 долларов билет, вращающиеся кресла. Лед грузят под вагон. Длинные полосы льда. Большой вокзал. Кассир продает билет и тут же звонит в поезд, какие места он продал. Негр понес наши вещи, опустил письмо в ящик и был доволен 25 центами. Доллары понемножку стали лететь. Прошел мимо электровоз обтекаемой формы, черный с золотом. Курить в вагоне, кажется, нельзя. Едут с нами пока что только дамы.

---

4 зоны такси в Вашингтоне. Счетчиков нет. 20, 30, 50 и 70 центов при переезде из одной зоны в другую. Город усыпан осенними листьями, на вокзале чугунные колонны с чугунными капителями. Курительная и подача напитков в хвосте поезда. Тяжелый пейзаж, выгоревшая трава, мысли о болезни. Вчера, когда возвращались к обеду, сзади нас стукнула машина. Приехали в два с небольшим. Беспомощное положение человека, не знающего языка. У него берут чемодан, пальто, шляпу, и надо давать чаевые.

Вино требует времени и умения разговаривать. Поэтому американцы пьют виски.

Когда рассмотрели рецепты, то их оказалось 30—40. Стали изготовлять фабричным путем. Тогда аптечное дело потеряло свою мистическую сторону, аптекарь стал продавцом и стал торговать чем попало. Он вам сделает и по рецепту, но это будет дороже.

Снова пасмурный день. Ночь в отеле «Дирборн» была ужасна из-за горячей стены. Прогулка по территории завода. Сборочный цех. Рабочие завтракают на полу.

Зажигаются фонари, раздается гудок, и машина съезжает на землю. Нас покатали на новом форде, только что ожившем. Потом проехали в автомобиле цех блока цилиндра, еще один цех, попали в сталелитейный цех.

Вечное движение деталей. Стеклянный переход, где они плывут в желтоватом свете пасмурного дня.

Предстоит свидание с мистером Камероном, секретарем Форда.

Скучный город Дирборн.

Мистер Камерон сошел в вестибюль, толстый, краснолицый и почтенный, с красивой сединой. Он повел нас к себе, тут же

на первом этаже, там, где мы были вчера. Поставил еще один стул для мистера Форда. Все поднялись. Вошел Форд, очень тоненький, в сером костюме, немножко шершавом, невысоком твердом воротнике, красном галстуке, черных башмаках и черных носках. Удивительные глаза с искрой. Сжатые губы. Он поздоровался и так стал в углу комнаты, что для него не оказалось стула. Когда он сидел, то все время двигал ногами. То упирал их в стол, то закладывал одну на другую, то снова ставил обе на пол. Очень внимательный человек. Он видит возможность создания маленьких заводов, даже сталелитейных, но от больших заводов он не отказывается. «Надо, чтоб не было долгов, тогда все будет хорошо, и надо помогать друг другу». Когда мы уже уходили, он живо вертелся на своем месте.

Утром с детьми идет в церковь, потом в офис. Своего места у него нет. Мистер Камерон сказал, что мистер Форд циркулирует.

Плум-пудинг имеет удельный вес камня или платины.

Тяжелые кварталы Чикаго, даже пьеса идет — «Дантов ад». Дым, паровозы, мрак,

зеленая вода, черная вода, грязная вода, опять дым, белый, черный, холод, железные отбросы, мрак, нищета, отвратительные дощатые заборы. Некрасивая нищета.

Фирма, торгующая честностью. Он может быть плутом, но его товар—честность. И можно не сомневаться в том, что они все сделают хорошо.

1936-37 гг.

В долине Байдарских ворот. Как строили город. Пресную воду привозили на самолетах и выдавали ее режиссерам по одной чашке в день. А у фаворита в палатке стояла целая бочка пресной воды. Это так волновало режиссеров, они так завидовали, что работать не могли и массами умирали от жажды и солнечных ударов. Долина талантов была переполнена трупами. Фаворит на верном верблюде бежал в «Асканию Нова», где его по ошибке скрестили с антилопой на предмет получения мясистых гибридов. Гибрид получился солнцестойкий, но какой-то очень странный.

Спор шел о картинах одного художника. «Это же фотография!» — «Хорошо, но что

бы вы говорили пятьдесят лет тому назад, до изобретения фотографии?»

Декламация. Абас-Туман покрыл туман.

Человек из свечного сала.

Палочки выбивают бешеную дробь о барабанную перепонку.

Все, что вы написали, пишете и еще только можете написать, уже давно написала Ольга Шапир, печатавшаяся в киевской синодальной типографии.

Варшавский блеск. Огни ночного Ковно.

Такой грозный ледяной весенний вечер, что холодно и страшно делается на душе. Ужасно как мне не повезло.

Остап мог бы и сейчас еще пройти всю страну, давая концерты граммофонных пластинок. И очень бы хорошо жил, имел бы жену и любовницу. Все это должно кончиться совершенно неожиданно — пожаром граммофона. Небывалый случай. Из граммофона показывается пламя.

Ей четыре года, но она говорит, что ей два. Редкое кокетство.

Он обязательно хотел костюм с двумя парами брюк. Портной не мог этого понять. «Зачем вам две пары брюк? Разве у вас четыре ноги?»

Такой тут отдыхает Толя, фотограф, очень жизнерадостный человек. Когда садится играть в домино, громко говорит: «Ну, курс на сухую, а?»

Гадкие, низкопробные мальчики.

Из книги о шулерах, написанной бывшим шулером: «Шулер должен иметь хорошо развитый большой палец правой руки и абсолютно здоровое сердце». И еще: «При такой складке пижонам нет спасения».

Кто же такие пижоны? Пижоны — это все те, которые не дергают.

Раньше зависть его кормила, теперь она его гложет.

В приемную Союза писателей вошел небритый человек в дезертирской ватной куртке и сказал, что он двоюродный брат

знаменитого писателя, что он возвращается на родину, что в дороге его обокрали, что он с женой и ребенком нуждаются в помощи — деньги на билеты, на харчи и прочее. Секретарша пошла в кабинет и вышла оттуда с сообщением, что Союз не имеет средств на пособия двоюродным братьям писателей. Двоюродный брат мягко сказал: «Да ведь он вам все вернет!» Но, увидев, что и это не действует, вдруг заныл с опытностью старого стрелка: «Где же прогресс! Где же культура! Что же это такое!» Он еще долго вопил: «Где же прогресс, где же культура!» — с таким видом, словно ни минуты не мог обойтись без культуры и прогресса. Конца этой сцены я не знаю, я ушел.

Железная бестия.

«В конце концов, я тоже человек! — закричал он, появляясь в окне. — Что это? Дом отдыха или . . .» Он не окончил, так как сознавал сам, что это давно уже не дом отдыха, а это самое «или» и есть.

Утешало его только то, что сорок миллионов лет тому назад все люди были такие.

Соседом моим был молодой, полный сил идиот.

Дом обвиняемого адвокат называл «хижиной».

Раньше, перед сном, являлись успокоительные мысли. Например, выход английского флота, кончившийся Ютландской битвой. Я долго рассматривал пустые гавани, и это меня усыпляло. Несколько десятков тысяч людей находились в море. А в гаванях было тихо, пусто, тревожно. Теперь нет этого. Все несется в диком беспорядке, я просыпаюсь ежеминутно. Надоело.

Как я люблю разговоры служащих. Спокойный, торжественный разговор курьерш, неторопливый обмен мыслями канцелярских сотрудников. «А на третье был компот из вишен». Сообщается это таким тоном, как если бы говорили о бегстве Наполеона с острова Эльбы: «Вы знаете, Бонапарт высадился во Франции».

«Так тихо, как будто вся Англия спит».

Повалился забор, выгнувшись, как оперение громадной птицы. Дачная картина.

Один молчал, когда надо было говорить. Другой говорил, когда надо было молчать.

Третий работал в поезде. Четвертый был юнкером. Семнадцать лет этого не знал никто. Но города гибнут, миллионы людей исчезают, а бумажка остается. Выкинули и того, который говорил, выкинули и того, который молчал. Справедливый финал.

В первоклассном кафе официантка на просьбу дать нарзан отвечает: «Подождете!»

Ели косточковые, играли на щипковых.

Оскорбленный голос писательницы: «Товарищи, дайте мне доформулировать». Ах, какая беда, не дают доформулировать.

Рассказ домработницы: «На ней были фиолетовые чулки бежевого цвета». Выходило довольно складно.

Синеглазые старухи.

Жил на свете человек с проволочными зубами. Сказка.

Сентрал парк — это парк, в котором гуляют автомобили.

Лучше всего взять самое простое, самое обычное. Не было ключа, открывал бутылку с нарзаном, порезал себе руку. С этого все началось.

Когда усилилось преподавание истории в школе, все узнали, кем была Мессалина, и Матрена, переменившая имя на Мессалину, оказалась в безвыходном положении.

Поселок Антигоновка.

В довольно большом городе на Волге строили набережную. Долго спорили, выбирали стиль, местная общественность почему-то склонялась к архаическому древнегреческому, наконец выбрали. Построили набережную эпохи божественного Клавдия, но с пальмами, голубыми елями и туями. Когда все было готово, набережная сползла в реку, поскольку, увлекшись архаикой и клавдианским стилем, забыли об оползнях. И долго еще голубые ели плыли вниз по течению, а римский парапет виднелся на дне реки. Но граждане не обратили на это никакого внимания. Их увлекла новая идея, рядом со своим городом создать еще один — киногород. Зачем это им нужно было, они и сами не знали, но очень хотелось. Поскольку клав-

дианский стиль себя скомпрометировал окончательно, киногород решили строить в архаическом древнегреческом роде, однако со всеми усовершенствованиями американской техники. Решили послать сразу две экспедиции — одну в Афины, другую в Голливуд, а потом, так сказать, сочетать опыт и воздвигнуть. Описать жизнь одной группы в Афинах и жизнь другой в Голливуде. По ошибке, единственный человек, говоривший по-английски, был включен в афинскую группу и бессмысленно оглашал криками «гау ду ю ду» маленькие площади афинского акрополя. Приключения в Голливуде кончились более трагически — один из членов экспедиции, изучая кинематографическую технику, был случайно утоплен во время съемок картины «Мятеж на «Боунти». За него была уплачена большая страховая премия, и на эти деньги совершенно спились остальные участники экспедиции. Они бродили по колено в воде Тихого океана, и великолепный закат освещал их лучезарно-пьяные хари. Ловили их молокане, по поручению представителя Амкино мистера Эйберсона. Члены экспедиции у молокан. Чаепитие и исполнение духовных гимнов. Удивительный разговор о попах в Сан-Франциско. Прах утонувшего был сожжен, и члены экспедиции постоянно таскали с

собой небольшую погребальную урну из пластмассы. В Афинах тоже было не сладко. Отпущенные драхмы вскоре иссякли, новые переводы не приходили, а изучение колонного дела подвигалось очень медленно, потому что изучать старые поломанные здания было неинтересно, а смотреть на классический фронтон местного банка противно, все из-за того же неприбытия переводов. В конце концов обе группы встречаются в Париже в «Сфинксе». Со страхом они возвращаются в родной город. Впрочем, о них уже забыли, и никакое наказание им не угрожает. Они сами вскоре не понимают уже, были ли в Афинах, ходили ли по берегу Тихого океана. Иногда только спросонок кто-нибудь из них заорет: «Ту дабл бэд». И это все.

Жила-была на свете тихая семейка: два брата-дегенерата, две сестрички-истерички, два племянника-шизофреника и два племянника-неврастеника.

Открылся новый магазин. Колбаса для малокровных, паштеты для неврастеников. Психопаты, покупайте продукты питания только здесь!

Лису он нарисовал так, что ясно было видно—моделью ему служила горжетка жены.

Появилось объявление о том, что продается три метра гусиной кожи. Покупатели-то были, но им не понравилось — мало пупырышков.

В зале, где висели портреты композиторов с розовыми губами и в белых париках, это, как говорят, не звучало. Внезапно запел аккомпаниатор. Он был похож на собаку и усердно скреб лапами по клавишам.

Звали ее почему-то Горпина Исаковна.

В коммунальной квартире жил повар Захарыч. Когда он напивался, то постоянно приставал к своей жене: «Я повар! А ты кто? Ты никто». Жена начинала плакать и говорила: «Нет, я кто! Нет, я кто!» Наконец ее устроили на службу в музей при Антропологическом институте уборщицей. Новое дело ей очень понравилось, и в квартире она сообщала соседкам новости: «Знаете, а у нас расовый отдел закрыли. Ремонт будут делать». Она даже повела одну из соседок в музей, и та долго потом приставала к антропологу с вопросом: «А что это у вас там жареный мужик лежит?» Это она увидела мумию.

Они сейчас начинающие писатели, но никак не могут этого понять. Им все кажется, что они главные.

Был он всего только сержант изящной словесности.

Он пришел в шинели пехотного образца и сразу же, еще в передней, начал выбалтывать государственные тайны.

— Мы пойдем вам навстречу. Я буду иметь вас в виду. Мы будем иметь вас в виду, и я постараюсь пойти вам навстречу. — Все это произносится сидя, совершенно спокойно, не двигаясь с места.

Книжная инфляция, болезнь изнурительная, вроде сахарного мочеизнурения.

Это было в то счастливое время, когда поэт Сельвинский, в целях наибольшего приближения к индустриальному пролетариату, занимался автогенной сваркой. Адуев тоже сваривал что-то. Ничего они не наварили. Покойной ночи, как писал Александр Блок, давая понять, что разговор окончен.

Биография Пушкина была написана языком маленького прораба, пишущего объяс-

нения к смете на постройку кирпичной кладовки во дворе. «Материальное обеспечение» и так далее. В одной фразе есть: «вступление, владение, выяснение» и еще какое-то «ение».

Одной наивностью теперь не возьмете, дорогой мой. Надо еще и думать иногда. Одним темпераментом не обойдетесь.

Один архитектор-формалист построил тюрьму, из которой арестанты выходили совершенно свободно. За это его поместили в здание, построенное голым и грубым натуралистом. Он, видите ли, не учел специфики здания.

На дискуссии он признался не только в формализме, но и бюрократизме, а также волоките.

«Мы ваш творческий метод будем обсуждать в народном суде».

Толстого мальчика дети зовут «Жиртрест». Это фундаментальный, очень спокойный и неторопливый мальчик.

«Там твои детки кушают котлетки, масло копают — собакам бросают».

Старый Артилеридзе.

Всю ночь во дворе бегал, скребся и мяукал котенок. Видимо, сдавал экзамен на кошку.

За ней, как тигр, шел матрос.
Вплоть до колен текли ботинки.
Являли икры вид полен.
Взгляд обольстительной кретинки
Светился, как ацетилен.

Мы молча сидели под остафьевскими колоннами и грелись на солнце. Тишина длилась часа два. Вдруг на дороге показалась отдыхающая с никелированным чайником в руках. Он ослепительно сверкал на солнце. Все необыкновенно оживились. Где вы его купили? Сколько он стоит?

В зале три женщины внимательно осматривали четвертую, на которой была розоватая вязаная шаль. И та достойно позволяла себя осматривать, понимая, что есть чем интересоваться.

...И в некотором отношении безусловно достигает ходульности Кукольника.

Поедем в Крым и сделаемся там уличными фотографами. Будем босиком ходить

по пляжу, предлагая услуги. Босиком, но в длинных черных штанах.

Вчера, в 4 часа утра, в 22-е отделение московской милиции явился посетитель в странном костюме. На нем была верхняя рубашка, воротничок, галстук, трусики и легкие туфли. Вошедший назвался консультантом союза смешанной кооперации Крайнего Севера. Он был пьян. Я вижу, что явления в смешанной кооперации ничем, собственно, не отличаются от явлений в кооперации несмешанной и что на Крайнем Севере система обращения с казенными деньгами та же, что и на Юге, а также в равнинной части страны.

Наконец-то! Какашкин меняет свою фамилию на Любимов.

Из люков в Нью-Йорке подымается дым. Пьяный Чарльз кричал, что это дышит великий город.

Парикмахер с удивлением говорил: «Вот это бородка! Это с добрым утром! Тут до вас один армянин приходил. Вот это две бородки! Это с добрым утром!»

Неужели и у меня такая борода будет?

У тебя такой бороды не будет! Почему не будет? Это выдающая борода.

Бог прислал меня к вам, чтобы вы дали мне работу.

Мальчики бежали за шарманщиком и называли его шарманистом.

Как продают пылесос в Америке. «Ваш старый пылесос — это очень хороший прибор, но вы, наверное, заметили, что вместе с пылью он высасывает часть вашего ковра».

Это был молодой римский офицер. Впрочем, не надо молодого. Его обязательно будут представлять себе кавалером в красивом военном наряде. Лучше, чтоб это был пожилой человек, грубоватый, может быть даже неприятный. Он уже участвовал в нескольких тяжелых, нудных походах. Он уже знает, что одной доблести мало, что многое зависит от интендантства. Например, доставили такие подбородные ремни, что солдаты отказываются их носить. Они раздирают подбородки в кровь, такие они жесткие. Итак, это был уже немолодой римский офицер. Его звали Гней Фульвий Криспин. Когда, вместе с

своим легионом, он прибыл в Одессу и увидел улицы, освещенные электрическими фонарями, он нисколько не удивился. В персидском походе он видел и не такие чудеса. Скорее его удивили буфеты искусственных минеральных вод. Вот этого он не видел даже в своих восточных походах.

«Даже внуки внуков не могли без ужаса слушать рассказ о том, как Ганнибал стоял у ворот Рима» (Моммзен).

«Ну, ты, колдун, — говорили римляне буфетчику, — дай нам еще два стакана твоей волшебной воды с сиропом «Свежее сено». Фамилия буфетчика была Воскобойников, но он уже подумывал об обмене ее на более латинскую. Или о придании ей римских имен. Публий Сервилий Воскобойников. Это ему нравилось.

Легат посмотрел картину «Спартак» и приказал сжечь одесскую кинофабрику. Как настоящий римлянин, он не выносил халтуры.

Мишка Анисфельд, известный босяк, первым перешел на сторону римлян. Он стал ходить в тоге, из-под которой виднелись его загорелые плебейские ноги. Но по

своей родной Костецкой он не рисковал ходить. Там над ним хихикали и называли консулом, персидским консулом. Что касается Яшки Ахрона, то он уже служил в нумидийских вспомогательных войсках, и друзья его детства с завистливой усмешкой говорили ему : «Слушай, Яша, мы же тебя совсем не держали за нумидийца». Яшка ничего на это не отвечал. Часто можно было видеть его на бывшей улице Лассаля. Он мчался по ней, держась за хвост лошади, как это принято среди нумидийцев. Шура Кандель, Сеня Товбин и Трубочистов-второй стали бриться каждый день. Так как они и раньше, здороваясь, вытягивали руку по-римски, то им не особенно трудно было примениться к новому строю. На худой конец они собирались пойти в гладиаторы и уже сейчас иногда задумчиво бормотали : «Идущие на смерть приветствуют тебя». Но мысль о необходимости сражаться голыми вызывала у них смех. Впрочем, крайней нужды в этом еще не было, потому что от последнего налета они еще сберегли несколько десятков тысяч сестерций и часто могли лакомиться сиропом «Свежее сено» и баклавой у старого Публия Сервилия Воскобойникова. Они даже требовали, чтобы он начал торговлю фазаньими языками. Но Публий отговаривался тем, что не верит в прочность рим-

ской власти и не может делать капиталовложений. Римлян, поляков, немцев, англичан и французов Воскобойников считал идиотами. Особенно его раздражало то, что римляне гадают по внутренностям животных. Громко он, конечно, говорить об этом не мог, но часто шептал себе под нос так, чтобы солдаты, сидящие за столиками, могли его слышать: «Если бы я был центурион, я бы этого не делал». Если бы он был центурион, то открыл бы отделение своего буфета на углу Тираспольской и Преображенской, там, где когда-то было кафе Дитмана. В легионе, переправившемся через Прут и занявшем Одессу, было пятнадцать тысяч человек, это был легион полностью укомплектованный — грозная военная сила. Легат Рима жил во дворце командующего округом, среди громадных бронзовых подсвечников. Так как раньше здесь был музей, то у основания подсвечников помещались объяснения, в которых бичевался царский строй и его прислужники. Но легат не знал русского языка. Кроме того, он был истинный республиканец и к царям относился недоброжелательно. В своей душевной простоте он принимал девушек, навербованных среди бывших фигуранток «Альказара», за финикийских танцовщиц. Но больше всего ему нравилась «Молитва Шамиля»

в исполнении танцоров из «Первого государственного храма малых форм». И иногда легат сам вскакивал с ложа и, прикрыв глаза полой тоги, медленно начинал «Молитву». Об этом его безобразном поведении уже дважды доносил в Рим один начинающий сикофант из первой когорты. Но в общем жизнь шла довольно мирно, пока не произошло ужасающее событие. Из лагеря легиона, помещавшегося на Третьей станции Большого фонтана, украли все значки — случай небывалый в военной истории Рима. При этом нумидийский всадник Яшка Ахрон делал вид, что ничего не может понять. Публий же Сервилий же Воскобойников утверждал, что надо быть идиотом, чтобы делать такие важные значки медными, а не золотыми.

Двух солдат легиона, стоявших на карауле, распяли, и об этом много говорили в буфете искусственных минеральных вод Публия Сервилия Воскобойникова. На другой день значки были подкинуты к казармам первой когорты с записочкой: «Самоварное золото не берем». Подпись: «Четыре зверя». После этого разъяренный легат распял еще одного легионера и в тоске всю ночь смотрел на наурскую лезгинку в исполнении ансамбля «Первой госконюшни малых и средних форм».

Резкий звук римских труб стоял каждый вечер над Одессой. Вначале он внушал страх, потом к нему привыкли. А когда население увидело однажды Мишку Анисфельда, стоящего в золотых доспехах на карауле у канцелярии легата, резкий вой труб уже вызывал холодную негодяйскую улыбку. У Мишки Анисфельда были красивые белые ноги, и он пользовался своей новой формой, чтобы сводить одесситок с ума. Он жаловался только на то, что южное солнце ужасно нагревает доспехи, и поэтому стоял в карауле с тремя сифонами сельтерской воды. Легат угрожал ему распятием на кресте за это невероятное нарушение военной дисциплины, но Анисфельд, дерзко улыбаясь, заявил на обычном вечернем собрании у Воскобойникова: «А может, я его распну. Это еще неизвестно». И если вглядеться в холодное красивое лицо легионера, действительно становилось совсем неясно, кто кого распнет.

Приезд в Одессу Овидия Назона и литературный вечер в помещении Артистического клуба. Овидий читает стихи и отвечает на записки.

Драка с легионерами на Николаевском бульваре. Первый римский меч продается

на толчке. В предложении также наколенники, но спроса на этот товар нет.

Одесса вступает в сраженье. Бой на ступеньках музея Истории и Древностей. Бой в городском саду, среди позеленевших дачных львов. Публий Сервилий Воскобойников выходит из своего буфета и принимает участие в битве. Яшка Ахрон давно изменил родному нумидийскому войску и дезертировал. В последний раз он промчался по улице бывшей Лассаля, держась за хвост своего верного скакуна. Уничтожение легионеров в Пале-Рояле, близ кондитерской Печеского. Огонь и дым. По приказанию легата поджигают помещение «Первой госконюшни малых и средних форм».

Сенька Товбин—голубоглазый, необыкновенно чисто выбритый, пугающий своей медлительной любезностью. Глаза у него, как у молодого дога, ничего не выражают, но от взгляда его холодеет спина. Трубочистов-младший—дурак, но способен на все. Жизнерадостный идиот. На гладиаторских играх, устроенных по приказу легата, он кричал: «В будку!», вел себя, как в дешевом кино на Мясоедовской улице. У него громадная улыбка, она занимает много места.

«Божественный Клавдий! Божественный Клавдий! Что вы мне морочите голову вашим Клавдием! Моя фамилия Шапиро, и я такой же божественный, как Клавдий! Я божественный Шапиро и прошу воздавать мне божеские почести, вот и все».

Худая, некрасивая, похожая на ангела, Мари Дюба. Лопатки у нее торчат, как крылья.

«Когда я вырасту и овладею всей культурой человечества, я сделаюсь кассиршей».

Поздно вечером я еду в Красково. На дороге ни одного указания, куда она ведет. Сами должны знать, куда ведет. Идут машины без красных огней. Некоторые движутся с потухшими фарами. Один грузовик стоит на дороге, не оградив себя огнями. Велосипедисты, как правило, едут без красного сигнала. Пешеходы беспечно прогуливаются на дороге. Слышна гармоника. В общем, как говорят французы, вы едете прямо в открытый гроб.

Двенадцать часиков пробило.
Вся публичка домой пошла.
Зачем тебя я полюбила,
Чего хорошего нашла.

У баронессы Гаубиц большая грудь, находящаяся в полужидком состоянии.

Все войдет: и раскаленная площадка перед четвертым корпусом, и шум вечно сыплющегося песка, и новый парапет, слишком большой для такой площадки, и туман, один день надвигающийся с моря, а другой — с гор.

Бесконечные коридоры новой редакции. Не слышно шума боевого, нет суеты. Честное слово, самая обыкновенная суета в редакции лучше этого мертвящего спокойствия. Аппарат громадный, торопиться, следовательно, незачем, и так не хватает работы. И вот все потихоньку привыкли к безделью.

На таких бы сотрудников набрасываться. Пишите побольше, почему не пишете? Так нет же. Держат равнение. Лениво приглашают. Делают вид, что даже не особенно нуждаются.

Начинается безумие. При каждом кабинете уборная и умывальник. Это неплохо. Но есть еще ванная комната и, кажется, какая-то закусочная.

Если это записная книжка, то следовало бы писать подробнее и ставить числа. А если это только «ума холодных наблюдений», тогда, конечно. . . Начал я записывать в Остафьеве, потом делал записи в Кореизе, теперь в Малаховке.

Тоня, девушка, которая очень скучала в Нью-Йорке, потому что ее «не охватили». Она сама это сказала. «Неохват» выразился в том, что танцам она не обучается и английскому языку тоже. И вообще редко выходит на улицу. У нее ребенок.

Полынский. Братья Ковалики. Сестры Рабинович. И просто какой-то Набобов.

Всегда приятно читать перечисление запасов. Запасы какой-нибудь экспедиции. Поэтому так захватывает путешествие Стенли в поисках Ливингстона. Там без конца перечисляются предметы, взятые Стенли с собой для обмена на продовольствие.

Я ехал в международном вагоне. Он подошел ко мне и извиняющимся голосом сказал, что едет в мягком, потому что не достал билета в международный. Эта сволочь считает, что если едет в мягком вагоне, то я не буду его уважать, что ли?

Название для романа, повести: «Ухо». «Палки». «Подоконник». «Форточка».

«Форточка», роман в трех частях с эпилогом.

В этой редакции очень много ванн и уборных. Но я ведь прихожу туда не купаться, а работать. Между тем, работать там уже нельзя.

«Блин», повесть.

Это постоянное состояние экзальтации уже нельзя переносить. Я тоже любил его, но мне никто не поверит, я не умею громко плакать, рвать свою толстую грудь ногтями.

Большинство наших авторов страдает наклонностью к утомительной для читателя наблюдательности. Кастрюля, на дне которой катались яйца. Ненужно и привлекает внимание к тому, что внимания не должно вызывать. Я уже жду чего-то от этой безвинной кастрюли, но ничего, конечно, не происходит. И это мешает мне читать, отвлекает меня от главного.

Вечерняя газета писала о затмении солнца с такой гордостью, будто это она сама его устроила.

Сан-Диэго в Калифорнии, где матросы ведут под ручку своих девочек, торжественные и молчаливые.

Список замученных опечаток.

Раздался хруст — упал линкруст.

Художники ходят по главкам, навязывают заказы. «Опыт предыдущих лет. . .» «Голландская живопись. . .» «По инициативе товарища Беленького. . .» Деньги дают легко из фонда поощрения изобретений.

Композиторы ничего не делали, только писали друг на друга доносы на нотной бумаге.

Истощенные беспорядочными половыми сношениями и абортами, смогут ли они что-нибудь написать?

На съезд животноводов приехал восьмидесятилетний пастух из Азербайджана. Он вышел на кафедру, посмотрел вокруг и сказал : «Это какой-то дивный сон».

Позавчера ел тельное. Странное блюдо! Тельное. Съел тельное, надел исподнее и поехал в ночное. Идиллия.

Архитектурная прогулка: вестибюль гостиницы «Москва», магазин «Теже» в том же доме и здание тяговой подстанции метро на Никитской улице — вдохновенное создание архитектора Фридмана.

Дом отдыха милиционеров. По вечерам они грустно чистили сапоги все вместе или с перепугу бешено стреляли в воздух.

Поэма экстаза. Рухнули строительные леса, и ввысь стремительно взмыли строительные линии нового замечательного здания. Двенадцать четырехугольных колонн встречают нас в вестибюле. Мебели так много, что можно растеряться, коридор убегает вдаль. Муза водила на этот раз рукой круглого идиота.

Дом отдыха, переполненный брошенными женами, худыми, некрасивыми, старыми, сошедшими с ума от горя и неудовлетворенной страсти. Белые, выкрашенные известкой колонны сами светятся. На соломенных креслах деловито отдыхают поэты. Брошенные жены смотрят на них с благоговением и надеждой. Поэты ломаются, говорят неестественными голосами «умных вещей». Мы подымаемся и идем к памятнику Пушкина. Александр Сергеевич, тон-

коногий, в брюках со штрипками, вдохновенно смотрит на Г. К., который согнувшись бежит на лыжах. Мы возвращаемся назад и видим идущего с прогулки Борю в коротком пальто с воротником из гималайской рыси. Он торопится к себе на второй этаж, рисовать. Так идет жизнь, не очень весело и не совсем скучно. Вечером брошенные жены танцуют в овальном зале с колоннами. Здесь был плафон с нимфами, но люди из хозуправления их заштукатурили. Брошенные жены танцуют со страстью, о которой только могут мечтать мексиканки. Но гордые поэты играют в шахматы, и страсть по-прежнему остается неразделенной.

Детская коляска на колеблющихся, высоких, как у пассажирского паровоза, колесах.

«Женщине, смутившей мою душу». Кто смутил чистую душу солдата?

На диване лежал корсет, похожий на летательную машину Леонардо да Винчи.

Роман. «Возвращаю вам кольцо, которого вы мне не дарили, прядь волос, которой я от вас не получал, и письма, которых вы мне не писали. Возвращаю вам

все, что вы думали обо мне, и снова повторяю: «Забудьте все, что я говорил вам».

У нас уважают писателя, у которого «не получается». Вокруг него все ходят с уважением. Это надоело. Выпьем за тех, у кого получается.

З. пишет рассказы, короткие, как чеки.

Шолом Алейхем приезжает в Турцию. «Селям алейкум, Шолом Алейхем», — восторженно кричат турки. «Бьем челом», — отвечает Шолом.

Своего сына он называл собакóлогом.

Шофер рассказывал, что на чердаке у него жили два «зайчненка».

— Бога нет!
— А сыр есть? — грустно спросил учитель.

Синеглазая мама.

В парикмахерской.
— Как вас постричь? Под Петера?
— Нет! Под Джульбарса!

Низменность его натуры выражалась так бурно и открыто, что его можно было даже полюбить за это.

Сторож при морге говорил: «Вы мертвых не бойтесь. Они вам ничего не сделают. Вы бойтесь живых».

Писем я не получаю, телеграмм я не получаю, в гости ко мне не приезжают. Последний человек на земле.

Кроме того, что он был стар и уже порядком очерствел, он остался мальчиком, малодушным и впечатлительным.

Говорил он — на смерть. Оратор он был — на смерть.

«Надо портить себе удовольствие, — говорил старый ребе. — Нельзя жить так хорошо».

В картине под названием «Гроза» нет имени Островского. Написано скромно: Сценарий и постановка режиссера П. Так-то!

Инженера звали «Ай, мамочка». Это была целая история.

Я сижу в голом кафе «Интуриста» на ялтинской набережной. Лето кончилось. Ни черта больше не будет. Шторм. Вой бесконечный, как в печной трубе. Я хотел бы, чтоб жизнь моя была спокойной, но, кажется, уже не выйдет. Лето кончилось, о чем разговаривать. «Крым» отваливает в Одессу. Он тяжело садится кормой.

Осадок, всегда остается осадок. После разговора, после встречи. Разговор мог быть интересней, встреча могла быть более сердечной. Даже когда приезжаешь к морю, и то кажется, что оно должно было быть больше. Просто безумие.

Когда я приехал в Крым, усталый, испуганный, полузадохшийся в лакированном и пыльном купе вагона, была весна, цвели фиолетовые иудины деревья, с утра до ночи пищали новорожденные птички. В моей комнате пахло спиртом. Ее только что покрасили. Краска на полу еще прилипала к стульям.

Он придет ко мне сегодня вечером, и я заранее знаю, что он будет мне рассказывать, что тоже не отстал от века, что у него тоже есть деньги, квартира, жена, известность. Ладно, пусть рассказывает, черт с

ним! Он лысый, симпатичный, и глупый, как мы все.

Такой-то — плохой работник; ленивый, не хочет учиться. Но с хорошим характером. Он говорит: «Ты живи спокойно. Не волнуйся. Это же все игра. Посмотри, как этот ловко загримировался носильщиком. И где только он такой настоящий передник достал? А эти двое! Играют в мужа и жену. Прямо здорово играют. И ты тоже. Вчера ты на меня, там на службе, кричал, а я на тебя смотрю и думаю: «Здорово ты стал играть ответственного работника, ну, прямо замечательно!» Ты только один раз подумай, что все это игра, и сразу тебе станет легко жить. Вот увидишь». После этого он открывал корзинку. Там лежала бутылка водки, хорошая закуска, чистая салфетка. Он выпивал и продолжал разглагольствовать. Золотой, добрый, ленивый человек.

Рассказ шофера о непостоянстве женской души. «Как паук», — сказал он в заключение.

Еще одна потерянная иллюзия. Всего только два года прошло. Особенно огорчала его ее спина.

Перед приездом он сиял, как рыжий ангел.

Внезапно, на станции Харьков, в купе ворвалась продавщица в белом халате, надетом на бобриковое пальто, и хрипло заорала: «А ну кому ириски? Кому еще ириски? Есть малярийные капли!» Капли — это был коньяк.

На пароходе «Маджестик» возвращалась из Америки группа автомобильных инженеров. Английского языка они не знали, и громадная обеденная карточка вызывала у них ужас. Наконец им посоветовали заказывать рекомендуемый обед. Он помещается на левой стороне меню. С тех пор они, счастливо улыбаясь, говорили друг другу перед едой: «Закажем левую, а? Левую!» А съев обед, долго говаривали: «Хороша сегодня левая, хороша». «Маджестик» шел в последний рейс. Он уже был продан на слом. С шербургской пристани я хорошо рассмотрел его. Сильно дымя, он шел через канал, торопясь доставить своих пассажиров на похороны Георга Пятого. На «Маджестике» ехал англичанин с широким лиловым носом из Армии Спасения. С ним ехала жена и семь штук их детей, мальчиков и девочек. Все они походили на папу и имели лиловатые широкие носы. Пароходная компания предоставила им отдельный обеденный стол. Это была удивительная и не очень привлекательная кар-

тина — папа, мама и семь маленьких пап. Миссис тоже не сверкала красотой.

Кроме того, что она была подхалимка и дура, оказалось еще, что она незнакома с представлением о равновесии. Поэтому в первый же вечер она свалилась со стола и сломала себе руку. Руку вылечили, но это ничему не помогло, и весь год она била посуду. У нее были светлые глаза идиотки.

Давнее объявление на Клязьме: «Пропали две собачки, маленькие, беленькие...» Видно было, что хозяин собачек очень их любил.

«Край непуганых идиотов». Самое время пугнуть.

Пижон, на висках которого сверкала седина. На нем была синяя рубашка, лимонный галстук, бархатные ботинки. Весь куб воздуха, находящийся в комнате, он втягивал в себя одним дыханием. После него нечем было дышать, в комнате оставался лишь один азот.

Пошел в Малаховку покупать мисочку. В Малаховском продмаге продается «акула соленая, 3 рубля кило». Длинные белые пластины акулы не привлекают малаховскую общественность. Она настроена агрессивно

и покупает водку. В универмаге Люберецкого общества потребителей стоит невысокий бородатый плотник в переднике. Ну, такой типичный «золотые руки». Дай ему топор, и он все сделает. И борода у него почерневшего золота. Он спрашивает штаны. «Есть галифе, 52 рубля». Золотые руки ошеломленно отшатывается. Хорош он был бы в галифе! У палатки пьет морс дачник в белых, но совершенно голубых брюках. Сам он их, что ли, подсинивал? В пыли, с музыкой едет на трех грузовиках массовка. Звенят бутылки с клюквенным напитком, гремит марш. Они едут мимо магазина, где продается соленая акула. Откуда в Малаховке акула? На выбитом поле мальчики играют в футбол. Играют жадно, каждый хочет ударить сам. В воротах стоят три человека. Еще просится четвертый, но его не пускают. Все-таки непонятно, откуда взялась соленая акула. Мисочки не нашел. Еще продается лещ вяленый и копченый.

В каждом журнале ругают Жарова. Раньше десять лет хвалили, теперь десять лет будут ругать. Ругать будут за то, за что раньше хвалили. Тяжело и нудно среди непуганых идиотов.

Жили-были два друга: Телескопуло и Стетоскопуло.

Было время, когда роман назывался «творческим документом». Стихи тоже были документ. И это напоминало больше всего не искусство, а паспортный стол. «Предъявите документ и проходите. Товарищи, без документов вход воспрещен».

Творческая накладная. Творческий коносамент. Взамен творческого документа вам вручали платежный документ. Все получалось очень мило. Обмен документов.

Фамилия у него была такая неприличная, что оставалось непонятным, как он мог терпеть ее до сих пор, почему не обменял раньше.

«Жизнь в степи коротка и незаметна. Дни быстрей перелетных птичьих стай. И в пути и в бою я всегда одно пою: «Никогда, никогда не унывай».Ковбойская песня в исполнении джаза под управлением старика Варламова.

И снова вздыхали испытанные сержанты.

В этот день мадам изображали лесную фею и чуть не изволили сломать себе ногу. За мною гнался лесной фей.

В конце концов, все написанное по части пограничной романтики есть всего только

прямое киплингование, ни разу не достигшее уровня подлинника.

— Так вы мне звякнете? — Обязательно звякну. — Значит, звякнете? — Звякну, звякну, непременно.

Я тебе звякну, старый идиот. Так звякну, что своих не узнаешь.

Все пьяные на улице поют одним и тем же голосом и, кажется, одну и ту же песню.

Надпись в американском магазине: «Мы здесь для того, чтобы вы нас беспокоили (тормошили)».

В пыли, среди нищенских дач, толстозадая лошадка везет задумчивых седоков.

За много миль от Нью-Йорка нельзя увидать ни одного вымени. Но всю ночь летят серебряные цистерны с молоком. Их борты оцеплены зелеными и красными огнями. Это удивительная картина. Они мчатся со скоростью в пятьдесят миль. Они везут лучшее в мире молоко на семь миллионов человек.

Пришел комендант, чтобы повесить, как он выражается, «люли-качели».

Мари Дюба выходит на сцену в старомодном и ужасном розовом боа. На ней шляпа с голубыми перьями. Она обольщает публику, как это делали в 1909 году, и, кажется, говорит: «Видите, сколько тогда приходилось вертеть задом, чтобы быть сексуальной».

Еще продаются в продмаге мухи. На маленьком черном куске мяса сидит тысяча мух, цена за кило мух 5 рублей. Недорого, но надо самому наловить.

«Мама, что это в кошке кипит?» Радость Чуковского.

Стоял, как в сказке, у забора добрый молодец в синей гимнастерке и сапогах, стоял, глубоко задумавшись, охватив затылок рукой, глаза уставил в землю. О чем же он думал, обдаваемый музыкой и пылью выходного дня?

В долине реки Колорадо. В далекой, и чуждой, и страшной долине реки Колорадо. Какой черт меня туда занес? Темно-красный кэньон, на дне его течет серая медленная река Колорадо.

Ничего не бойтесь. Смело погружайте ложку и ешьте. Это надо съесть.

Этот дом отдыха славился на всем побережье своей развращенностью и чисто римским падением нравов. Так было из года в год. Уже и врачи махнули на это рукой.

Кажется, в «Бурсаке» Нарежный пишет, что «бурса есть малое подобие великолепного Рима». Так это приятно и чисто написано, что стало жалко—столько времени прошло, а роман все еще даже не начат.

«Нужен молодой здоровый человек, умеющий ездить на велосипеде, для производства научных наблюдений. Оплата по соглашению. Площадь предоставляется». Что может быть лучше? Быть молодым, здоровым, уметь ездить на велосипеде и подвергаться научным наблюдениям!

Песок и сосны. Забор и пыль. Бледные и пухловатые дети. Тонконогие черные форды по выходным дням. Самоварный дым.

Прощай, Америка, прощай! Когда «Маджестик» проходил мимо Уолл-стрита, уже стемнело и в громадных зданиях зажегся электрический свет. В окнах заблестело золото электричества, а может быть и настоящее золото, кто его знает! И этот блеск провожал нас до самого выхода в

океан. Холодный январский ветер гнал крупную волну. Появился рослый англичанин. Он был пьян и торжественно озирал все вокруг. Пил он до самого Шербурга. Горничная сказала мне, что за пять дней он ничего не съел. Через час никакого следа не осталось от Америки. В последний раз блеснул маяк — и все.

На острове Алкатрас, похожем на старинный броненосец, сидит Ал-Капонэ, а рядом над бухтой уже висят удивительные тросы новых висячих мостов.

Парадно, киноварью покрашенный зал и все-таки довольно сахалинский вид пассажиров. Ливень. Бегут, накрывшись газетами, как шалями, лупит через всю площадь молодая девушка в белой шляпе и красной кофте, но босая, некоторые идут медленным шагом, все равно промокли и бежать незачем, эти — странностью своего поведения похожи на факиров, они словно бы проделывают какой-то церемониал.

Анекдот о петухе, которого несут к часовщику, потому что он стал петь на час раньше.

Машина сейчас же скрылась за поворотом, и уже через минуту ее огни засверкали

на верхнем шоссе. Провожающие едва успели поднять руки.

«За нарушение взимается штраф». Вот, собственно, все сигналы, которые имеются на наших автомобильных дорогах. Впрочем, попадается и такая надпись: «Пункт по учету движения». Пункт есть, учета, конечно, нет.

Томная, в широком черном поясе и белой футболке. В грязи вокзала, в сумбуре широких и мрачных деревянных скамей, где храпят люди и их громадные мешки. Мешки такие большие, будто в них перевозят трупы. Томится от сознания своей красоты и никем покуда не замечаемой молодости. Никто на нее не смотрит, все заняты . . .

Все носильщики в своих синих формах оказались из деревни и с жаром рассуждали о благотворности разразившегося ливня.

«А по воскресеньям у нас идет большой дождь, так называемая ливня». По мнению Чуковского, это тоже должно считаться обогащением языка.

Бильярд с шестью звонками в Юсуповском дворце в Кореизе. Царь, не попав

кием в шар, нажимает на звонок и командует вошедшему слуге: «Шампанского и корону». Так потом и играет в короне. По два звонка на широких бортах и по одному на коротких.

«Я устал смотреть на вас. У меня глаза болят, когда я смотрю на вас».

Выскочили две девушки с голыми и худыми, как у журавлей, ногами. Они исполнили танец, о котором конферансье сказал: «Этот балетный номер, товарищи, дает нам яркое, товарищи, представление о половых отношениях в эпоху феодализма».

«Я вас, дядя Саша, люблю за то, что вы все можете объяснить. И почему экран в морщинах, и почему картина не в фокусе, и почему звук исчезает».

Опять дует северо-восточный ветер. Море пустынно. «Восемь лет, как жизни нет», — как выразился один философ в общественной уборной.

— Кому вы это говорите? Мне, прожившему большую неинтересную жизнь?

Техас, где ковбои гонят своих коров, маленьких, лохматых и злых, как собаки.

Миновав иву вавилонскую, ясень обыкновенный, дуб обыкновенный, скамейку садовую и уборную женскую, мы пошли прямо в ресторан, расположенный возле нескольких деревьев, носивших напыщенное название «рощи пробковых дубов». Самое удивительное было то, что бутылка вина, которую нам подали, была закупорена резиновой пробкой. Прислуживала нам собака, глаза у которой были полузакрытые и злые, как у Николая второго. Так его рисовали в карикатурах.

Система Союзтранса. Толчея. Унижение. Высокомерие. В рентгеновском кабинете то же самое. Больные толпятся возле аппаратов, врачи работают, и медицинская тайна блистает на их лицах.

На площадке играют в теннис, из каменного винного сарая доносится джаз, там репетируют, небо облачно, и так мне грустно, как всегда, когда я думаю о случившейся беде.

Книга по высшей математике начинается словами: «Мы знаем . . .»

Чувство стыда не покидает все время. Пьеса написана так, как будто никогда на

свете не было драматургии, не было ни Шекспира, ни Островского. Это похоже на автомобиль, сделанный с помощью только одного инструмента—топора. Унизительно примитивно. Актеры играют так ненатурально, так ходульно, так таращат глаза и каратыгинствуют, что девочка, сидевшая позади меня, все время спрашивала: «Мама, она сошла с ума, да? Мама, он сошел с ума, да?» Действительно, они играют как сумасшедшие. Мама же спокойно отвечала: «Сиди спокойно, я все расскажу тебе дома». Хорошо художественное произведение, которое надо рассказывать дома.

Когда я смотрел «Человека-невидимку», рядом со мной сидел мальчик, совсем маленький. В интересных местах он все время вскрикивал: «Ай, едрит твою».

Лукулл, испытывающий муки Тантала. Ужасная картина.

«В погоне за длинным рублем попал под автобус писатель Графинский». Заметка из отдела происшествий.

В очерке об Италии написано, что против римского собора святого Петра стоит египетская пирамида. Это все то же. «Мо-

гучие своды опираются на легкий изящный карниз». Нет, не пойду я на ту станцию, где своды опираются на карниз. Всестороннее невежество и невнимательность.

Иногда раздается короткий и приятный звук, как бы губной гармоники. Это поворачивается флюгер на башне винного сарая. Он сделан в виде морского конька.

Светит солнце, ночи лунные, но и днем и ночью деревья шипят от сильного корд-оста. Немножко раздражает этот постоянный шум природы.

«Посторонним вход разрешается», «Уходя, не гасите свет. Пусть горит». Все можно будет, все позволится.

У нее была последняя мечта. Где-то на свете есть неслыханный разврат. Но эту мечту рассеяли.

Зеленый с золотом карандаш назывался «Копир-учет». Ух, как скучно!

Два затуманенных от высоты самолета тащили за собой белые рукава.

Почти втрое или более чем вдвое. Но все-таки сколько это? И как это далеко от точности, если один математик о тридцать шестом годе выражался так: «У нас сейчас, грубо говоря, тысяча девятьсот тридцать шестой год». Грубо говоря!

Он посмотрел на него, как царь на еврея. Вы представляете себе, как русский царь может смотреть на еврея?

Прогулка с Сашей в холодный и светлый весенний день. Опрокинутые урны, старые пальто, в тени замерзшие плевки, сыреющая штукатурка на домах. Я всегда любил ледяную красноносую весну.

Куда ни посмотришь из окон, всюду дачники усердно раскачиваются в гамаках.

Американское кино, как великая школа проституции. Американская девушка узнает из картины, как надо смотреть на мужчину, как вздохнуть, как целоваться, и все по образцам, которые дают лучшие и элегантнейшие стервы страны. Если стервы это грубо, можно заменить другим словом.

Хам из мглы. Он так нас мучил своими куплетами про тещу, командировки и

машинисток, что уже не хотелось жить. Но один куплет он спел очень смешной.

Какой-нибудь восточный чин. Ну, император Трапезунда.

«Медливший весь день дождь, наконец, начался.» И так можно начать роман, как хотите можно, лишь бы начать.

Редактору современной литературы, у которого серьезно разболелись глаза, известный профессор совершенно серьезно советовал перейти в отдел классиков. Он сказал: «Если бы вы читали Флобера и Гоголя, несомненно, глаза пострадали бы у вас значительно меньше».

Толстого мальчика звали Эмма. Он же назывался Мясокомбинат.

Часы «Ингерсол» бросали на землю, сбрасывали со стола, купали в нарзане, но им ничего не сделалось. «Идут, проклятые», — с удивлением говорили о них.

Старуха рассказывала на бульваре, что в Сибирских горах поймали женщину-зверь. Она весит сорок пудов, и при ней

дочка восьми пудов. Русского языка женщина-зверь не знает.

Бабушка вела мальчика по бульвару. Мальчик ей рассказывал, что в Америке все под землей.

Весь золотой запас заката лежал на просеке.

«Продажа кеп». Вольное и веселое правописание последнего частника.

«Мишенькины руки панихиды звуки могут переделать на фокстрот».

Севастопольский вокзал, открытый, теплый, звездный. Тополя стоят у самых вагонов. Ночь, ни шума, ни рева. Поезд отходит в час тридцать. Розы во всех вагонах.

Подали боржом, горячий, как борщ.

Впереди ехал грузовик с дачным скарбом. Сзади, на легковом автомобиле, ехала семейка — папа, мама, тетя Мура, дядя Сеня, детки, кошки. Из грузовика вылез учрежденский агент. Лицо у него было полное и бледное. Жулик с печальными

глазами. Сколько восточной неги в глазах обыкновенного учрежденского агента, обратили ли вы внимание на это?

«Как работник сберегательной кассы, я прошу вас изложить в юмористической форме те условия, в которых приходится работать сберегательным кассам».

Курточка с легкими медными пуговицами, алого, королевско-гвардейского цвета. Яркий солдатский цвет.

В горах лежал туман, когда я ехал в Севастополь к поезду. Хотя он был сухой и редкий, но все-таки сильно мешал смотреть на дорогу.

Внезапно в кабацкую болтовню вмешался парикмахер Люся. Он сказал : «Как Байдарские ворота — так нет больше женатых и нет замужних. Тут у нас летом каждый кустик дышит». Все одобрили эту сентенцию и с видом заядлых сердцеедов продолжали говорить пошлости.

Сияющие облака лежали на дороге. Где это было — в Тексасе, Нью-Мексико или Луизиане? Не помню. Здесь, в мокром тумане, мистер Т. рассказал, как он за-

страховал свою жизнь в немецком страховом обществе и что из этого вышло.

Никто не будет идти рядом с вами, смотреть только на вас и думать только о себе.

Сто шестьдесят семь ошибок по русскому языку в дипломной работе.

Пусть комар поет над этой могилой.

Газетный киоск на станции Красково, широкой и стоящей между шеренгами сосен. Газет нет совсем, имеется журнал «На суше и на море» за июнь прошлого года, хотя даже за этот год он не вызвал бы волнения, тем более, что и общество, его издающее, уже ликвидировано; журнал «Ворошиловский стрелок», книжка на еврейском языке, химические карандаши «Копирка» и детские краски на картонных палитрах. Таким образом, узнать, что делается на суше, на море, на воздухе и на воде, нельзя, надо для этого поехать в Москву. Солнце озаряет сосны, от сухого запаха разогревшейся хвои в горле немножко першит. Мимо на тяжелых велосипедах едут мальчики. Они счастливы. Да, еще продаются приборы для очинки карандашей под названием «Канцпром». Все.

Я не лучше других и не хуже.

А это, товарищи, скульптура, называющаяся «Половая зрелость». Художественного значения не представляет.

Весь месяц меня обдували в Кореизе отблески норд-оста, свирепствовавшего у Новороссийска.

Нет, я не лучше других и не хуже.

Ну, вы, костлявая Венера!

Два певца на сцене пели:
«Нас побить, побить хотели»,
Так они противно ныли,
Что и вправду их побили.

Нет, вы не услышите больше скрипа шагов за спиной, и этот жалкий хвастун со своей вечно нахмуренной мордой уже не появится здесь.

«Моя половая жизнь в искусстве» — сочинение кинорежиссера.

Диалог в картине. Самое страшное — это любовь. «Летишь? Лечу. Далеко? Да-

леко. В Ташкент? В Ташкент». Это значит, что он ее давно любит, что и она любит его, что они даже поженились, а может быть у них есть даже дети. Сплошное иносказание.

Был у него тот недочет, что он был звездочет.

Гулянье. Ходила здесь молодая девушка в сиреневом шарфе и голубых чулках. Были молодые люди в розовых носках. Фиолетовая футболка с черным воротником, насчет которой продавец местного кооператива заявил, что зато цвет совершенно не маркий.

Картина снималась четыре года. За это время режиссер успел переменить трех жен. Каждую из них он снимал. Ни черта тут нельзя понять. То ли он часто женился, потому что долго снимал, то ли он долго снимал, потому что часто женился. И как писать для людей, частная жизнь которых так удивительно влияет на создаваемые ими произведения. Надо сказать так: «Мы очень ценим то, что вы любите свою жену. Это даже трогательно. Особенно сейчас, когда в укреплении семьи так заинтересована вся общественность. Но сниматься в вашей картине она не будет.

Роль ей не подходит, да и вообще она плохая актриса. И мы просим вас выражать свою любовь к жене иными средствами».

Репертуар клоунов Бим-Бом. «Если бы все бумаги на свете была одна большая бумага, и если бы все ручки на свете была одна громадная ручка, и если бы все чернила на свете помещались в одной колоссальной чернильнице, я взял бы эту ручку, обмакнул бы ее в эту чернильницу и написал бы на этой бумаге, что я люблю вас». Несомненно украдено из какого-нибудь восточного сказания.

Снова вечер — и голубой самоварный дым стелется между дачными соснами.

— Закройте дверь. Я скажу вам всю правду. Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги.

Вахтер с седыми усами отдает честь, я прохожу мимо. На меня смотрят с объеденных соломенных кресел, я прохожу мимо. Бука, полнотелый и порочный, играет в теннис и дружелюбно смотрит на меня, я прохожу мимо. Библиотекарша с апостольским пробором встречается на дороге, я здороваюсь и прохожу мимо. И вот

я в парикмахерской, где бреющиеся ведут между собой денщицкий разговор.

На его щеке еще горел раскаленный поцелуй предателя.

Мадам Везувий.

«Где кричит привязанность, там годы безмолвствуют, как говорил старик Смит и Вессон» (А. Аверченко. «Настоящие парни»).

Мазепа меняет фамилию на Сергей Грядущий. Глуп ты, Грядущий, вот что я тебе скажу.

Он лежал в одних трусиках, и тело у него было такое белое и полное, что чем-то напоминало труп в корзине. Виной этому были в особенности ляжки.

Действительно, тяжелое имя для девушки — Хеврония.

Напали на детку синие волки, синие волки с голубыми глазами.

Худые и голодные, как молодые черти.

В доме ужасное смятение. Маленькая девочка заявила, что хочет быть любовницей всех мужчин.

В картине появляются девушки, и кажется, будто играют первые роли. Но потом они вдруг исчезают куда-то и больше уже не появляются. Представьте себе «Ромео и Джульетту» без Джульетты. Походив немного по сцене, ошеломленный Ромео, конечно, уйдет.

«Это было в консульстве Публия Сервилия Ваттия Изаурика и Аппия Клавдия Пульхра».

Письмо Алеши. «Привет женщине, смутившей мою душу». Никто и не думал, что он может так красиво выражаться.

Мы ложились на траву, и Алеша начинал читать Зощенко своим церковным голосом. Мало-помалу установился порядок, уже стало известно, как все произойдет, и действительно все так и происходило. Появлялся мальчик с автомобильным ободом, в двенадцать часов приносили гречневую кашу с молоком в суповой миске, свинья с красивыми глазами и длинными ресницами приближалась и пожирала скорлупу от орехов, тень переходила на

другое место и одеяло оттаскивали на два шага в сторону, что-то лепетал свое детское Дьявол Семеныч, потом все шли домой через овраг, на дне которого негромко шумел маленький поток и валялись старые эмалированные тазы, синие и белые. Даль леска была зеленая и пепельная. Глубокий мир, монастырская тишина. Нет, Алеша читал в другом месте. Здесь он не был с нами. Сначала мы по ошибке лежали у самой дороги, среди мусора. За белыми развалинами дачи цветут большие маки. Иногда раздается шум шагов на песке, кто-то идет мимо, но лень поднять голову и посмотреть. Свинья была даже завитая, даже, кажется, с лакированными копытцами, бог ей судья, этой свинье.

Докладчик: «На сегодняшнее число мы имеем в Италии фашизм». Голос с места: «Да это не мы имеем фашизм! Это они имеют фашизм! Мы имеем на сегодняшнее число советскую власть».

Докладчик: «Товарищи, мы еще не научились писать». Голос с места: «Не мы еще не научились писать, а вы еще не научились писать».

Он, как ворона, взгромоздился на кафедру и заболботал: «Семнадцать и девять

десятых процента . . .» Когда он окончил доклад, то тем же вороньим сумрачным голосом возгласил: «А теперь, ребята, приступим к веселью».

Концерт джаз-оркестра под управлением Варламова. Ужасен был конферансье. В штате Техас от момента выхода на сцену такого конферансье до предания его тела земле с отданием погребальных почестей проходит ровно пять минут. Ковбои в бараньих штанах сразу открывают беспорядочную стрельбу. Джаз играл паршиво, но с громадным чувством и иногда сам плакал, растрогавшись («в маленьком письме вы написали пару строк, что меня любили»). Испытанные сержанты милиции, наполнявшие зал, шумно вздыхали, ревели «бис». В общем, растрогались все. Хорош был старик Варламов, трубивший нежные слова любви в рупор, сшитый из зеленого скоросшивателя.

У мальчика было довольно красивое имя Вердикт. А его звали Шишечка.

Уже известно, как надо писать рецензии: сценарий — хороший, играют — хорошо, снято — хорошо. А музыка? О му-

зыке тоже уже известно, как надо писать. Музыка сливается с действием. Что это значит — никто не знает, но звучит хорошо — музыка сливается с действием. Ну и черт с ней, пусть себе сливается!

При исполнении «Кукарачи» в оркестре царила такая мексиканская страсть и беспорядочное воодушевление, что больше всего это походило на панику в обозе.

Персидская сирень, белая, плотная и набухшая, как разваренный рис.

Девушки-фордики. Челка, берет, жакетик, длинное платье, резиновые туфли.

По звукам казалось, что веселятся эскадронные лошади. На самом деле это затейник вовлекал отдыхающих в «массовку».

Только некультурностью населения можно объяснить то, что в редакции еще не выбиты все стекла. Это после появления заметки о том, что «лучшие женихи достались пятисотницам». Пропаганда пошлости.

Вся пьеса построена на честном слове. «Если вы мне верите, вы не станете меня

спрашивать. Я говорю, что так было. Верьте мне».

Конечно, количество любовных связей было не больше, чем обычно, и число обманутых мужей, может быть, и не увеличилось, но невозможно отрицать того, что все эти связи находились под влиянием вышедшей тогда книги и молодые люди со звериным взглядом лейтенанта Томаса Глана пользовались в тот год и еще в нескольких следующих годах большим успехом.

Очень легко писать: «Луч солнца не проникал в его каморку». Ни у кого не украдено и в то же время не свое.

Требуются в отъезд ведьмы, буки, бабы-яги, кощеи бессмертные, гномы и кобольды на оклад жалования от 120 рублей и выше. Квартира предоставляется.

Детский утренник. Один мальчик, как говорится, уже в самом начале праздника схлопотал от мамы по морде. Он был на самом дне ямы и вдруг вознесся на вершину славы. Его вызвали на сцену и вручили ему альбом для рисования, кубики и карандаш. Детям дарили портфели из какого-то дерматина, будь он проклят. Не хва-

тало только, чтобы им дарили председательские колокольчики и графины с водой. Достаточно войти в магазин игрушек, чтобы понять, что люди, изготовляющие эти игрушки, ненавидят детей.

Пьеса. Андрей: Елена, я решил покончить расчеты с жизнью.

Елена: Ты не сделаешь этого, Андрей.

Андрей: Бац, бац.

Елена: А-а!

«Ты меня совсем не любишь! Ты написал мне письмо только в двадцать грамм весом. Другие получают от своих мужей по тридцать и даже по пятьдесят грамм».

«Скульптура, изображающая спящего льва. Привезена морским путем из Неаполя в Севастополь, оттуда в Юсуповский дворец в Кореизе. Работа известного итальянского мастера Антонио Пизани. Художественной ценности не имеет».

Дядя Саша, бывший укротитель кур и мышей, теперь заведующий театральным сектором дома отдыха. Сколько таких дармоедов в Крыму — еще не подсчитано.

«Нет, это не жизнь для белого человека».

Отдыхающий спал на зеленой траве. На нем были сапоги, мундир, все ремни были затянуты, как на смотру. Только ветер позванивал колесиками его шпор. Он спал глубоким сном.

Скульптура фонтана «Плачущая гимназистка». Работа известного шведского скульптора Бреверна. Художественной ценности не представляет».

«Дворец князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон. В постройке его принимали участие лучшие художники и архитекторы своего времени. Дворец обошелся в два миллиона рублей и вызывал удивление современников своей роскошью. Художественной ценности не имеет».

Волшебный оркестр — самодеятельный джаз. Каждый умеет играть, все умеют петь. На пищалках играли мама и дочка. Дочка была большая и толстая, похожая на дорогую куклу.

Он был в таком возрасте, когда вообще правды не говорят. Болезнь возраста.

Передо мной стоял человек с большими зрачками и прикушенной нижней губой.

Школа танцев. Маленькая учительница держит себя с достоинством командира дивизии. Потирают оцепеневшие от танцев руки, серьезно следят за учительницей. У одной девушки за бретелькой сарафана были засунуты бумаги, с которыми она пришла. У другой был перевязан глаз. Все дышали здоровьем.

Снялся на фоне книжных полок, причем вид у него был такой, будто все эти книги он сам написал.

Забудьте о плохом, помните обо мне только хорошее.

Обыкновенная фраза. «Тесно прижавшись друг к другу спинами, сидели три обезьяны». Можно еще чище и спокойнее. «Три обезьяны сидели, тесно прижавшись друг к другу спинами». А вот как это будет написано в сценарии. «Спинами тесно прижавшись друг к другу, три обезьяны сидели». Сценарии пишутся стихами. Например: «Вышла Глаша на крыльцо».

Нет, разница все-таки есть. Тебе скучно со мной, а мне скучно без тебя.

Красноносая учительница музыки.

Ветер, ветер, куда деваться!

Котик с разными глазами.

Я ничего не вижу, я ничего не слышу, я ничего не знаю.

Как мы пишем вдвоем? Вот как мы пишем вдвоем: «Был летний (зимний) день (вечер), когда молодой (уже немолодой) человек (-ая девушка) в светлой (темной) фетровой шляпе (шляпке) проходил (проезжала) по шумной (тихой) Мясницкой улице (Большой Ордынке)». Все-таки договориться можно.

Так страстно любить друг друга могут только чужой муж и чужая жена. Слишком они уже пожилые.

Я обращаюсь к чувству, я старею на глазах.

Раменский куст буфетов. Куст буфетов, букет ресторанов, лес пивных.

Шел Маяковский ночью по Мясницкой и вдруг увидел золотую надпись на стекле магазина: «Сказочные материалы». Это было так непонятно, что он вернулся назад,

чтобы еще раз посмотреть на надпись. На стекле было написано: «Смазочные материалы».

«Золотая рыбка» в гостях у художника. Замечательное происшествие с участием литератора П.

Пьяный в вагоне беседовал с своим товарищем. При этом часть слов он говорил ему на ухо, а часть произносил громко. Но он перепутал — приличные слова говорил шепотом, а неприличные выкрикивал на весь вагон.

Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двадцать корректур. И все равно на титульном листе было напечатано: «Британская энциклопудия».

В черном небе показались внезапно пароходные зеленые и красные огоньки. Это летели самолеты.

Вчера была температура, какой не было пятьдесят лет. Сегодня — температура, которой не было девяносто два года. Завтра будет температура, которая была только сто шестьдесят шесть лет назад, в княжестве Монако, в одиннадцать часов утра, в тени. Что делали жители в это утро и

почему они укрывались именно в тени, где так жарко, ничего не сказано.

Литературная компания, где богатству участников придавалось большое значение. Деланье карьеры, попытка образовать группу, все позорно провалилось, потому что не хватало главного — уменья писать. Впрочем, может быть, крошечное уменье и было, но писать было не о чем, ничего не было за душой, кроме нежного воспитанья, любви к искусству и других альбомных достоинств. Там был один писатель, которого надо бы произвести в виконты — он никогда не ездил в третьем классе, не привелось. Каждая новая книга Хемингуэя или Олдоса Хаксли отнимала у членов кружка последние остатки разума. Просто было вредно давать читать им такие книги. А занимались они в общем халтурой, дела свои умели делать. Это было даже странно для таких неженок. Но тут уже повлияло непролетарское происхождение.

В асфальтовом кафе тихо попискивают девушки, раздавленные дикой красотой разноцветных зонтов.

«Я от этого парохода нервный стал», — сказал капитан. Как только мы водвори-

лись на пароходе, обнаружилось, что повар проворовался. Составили акт. Это так расстроило повара, что блюда, им изготовленные за эти два дня, поражали неслыханной причудливостью. Диваны в каюте были обиты светло-коричневой акушерско-гинекологической клеенкой. Было жарко, простыни сползали, и клеенка прилипала к голому телу.

«Как полагают, свидание будет иметь далеко идущие результаты».

Кавалеры и дамы выходили на станцию с большими вениками зеленых веток — отмахиваться от комаров. Девушка с большим стогом соломенных крашеных волос на голове все время отступала от своего кавалера, как будто боялась, что он тут же начнет ее хватать. Некоторый страх перед чрезвычайно близким и совершенно неотвратимым изнасилованием делал девушку истерически кокетливой. У нее оранжевое скуластое лицо и волосы перевязаны голубой лентой. Очень опрятная, в новых резиновых туфлях с голубой каймой.

Сторож в поселке ходит с винтовкой и зеленым веником. Веником он угрожает ворам, а из винтовки стреляет по комарам,

Его ноздри производят впечатление рваных, и вообще он похож на пугачевца после подавления мятежа и произведения экзекуции. Комары носятся всю ночь с воинственными атакующими песнями и воями.

Он вошел и торжественно объявил: «Мика уже мужчина».

Внезапно показался бегущий по откосу подросток в красной майке. За ним гнался продавец из «Гастронома». В пылу преследования с продавца слетела парусиновая туфля, но он не остановился. Стрелок железнодорожной охраны, скучая бродивший по платформе, неслыханно оживился. Он помчался наперерез мальчику, придерживая рукой кобуру револьвера. Мальчика схватили. Он хотел украсть коробку лапши. Через несколько минут уже слышался его сопливый плач в станционном здании — это писали протокол. Среди любопытных стояла невероятная баба в черной юбке и лиловой майке, босая, в берете и с такими грудями, что делалось даже нехорошо от изобилия этого продукта.

«Босая, средь холмов умбрийских, она проходит, Дама-Нищета».

Старопечатная книга петровских указов. Она принадлежала раскольнику, и он на полях всюду понаставил: «Зри».

При грудном ребенке сказали какую-то шутку, и он внезапно захохотал. Тогда решили, что он оборотень, и убили его.

Об этом уже надо писать статью под названием: «Нет, Жан, это не недоразумение». Пароход «Экстения» в двадцать девятом году совершает переход из Нью-Йорка в Шербург за четверо суток. Это рекорд, которого не перекрыла даже «Квин Мери» в тридцать шестом году. Что до «Нормандии», то ей такая скорость может только сниться.

Некто раскачивает шезлонг, в котором сидит его любовница. Занятие совершенно бесполезное — это не гамак и не качалка.

Палестинские пальмы имеют мохнатые ветви. Я таких не видел ни в Батуме, ни в Калифорнии. «Обильные косы». «Маджестик», новый французский пароход, пришел в Яффу. А он английский, не новый и в Яффу не ходит. Нет, нет, Жан, это не недоразумение!

Вот мы снова встретились, а я все еще не в горящем золотом мундире, и вы тоже все еще не инженер.

Началось это с того, что подошла к нему одна девушка и воскликнула: «Знаете, вы так похожи на брата мужа моей сестры». Потом какой-то человек долго на него смотрел и сказал ему: «Я знаю, что вы не Курдюмов, но вы так похожи на Курдюмова, что я решился сказать вам об этом». Через полчаса еще одна девушка обратилась к нему и интимно спросила:

— Обсохли?

— Обсох, — ответил он на всякий случай.

— Но здорово вы испугались вчера, а?

— Когда испугался?

— Ну, вчера, когда тонули!

— Да я не тонул!

— Ой, простите, но вы так похожи на одного инженера, который вчера тонул!

Рассказ возчика, ужасный рассказ возчика. Жила в поселке одна красавица, полная такая. К ней ходил один горбун, совсем негодный для этого человек. Он семьсот рублей жалованья получал. Пищу она всегда ела знаете какую? Швейцарский сыр, кильки. Ну, тут приехал один

француз. На нем желтые сапоги (показывает сапоги гораздо выше колена), рубашка чесучовая. Горбун, конечно, все понял, приходит и спрашивает ее: «Пойдешь со мной?» Она говорит: «Не пойду». Тут он ее застрелил. Потом побежал на службу, сдал все дела и сам тоже застрелился. Стали ее вскрывать — одна сала!

Когда я заглянул в этот список, то сразу увидел, что ничего не выйдет. Это был список на раздачу квартир, а нужен был список людей, умеющих работать. Эти два списка писателей никогда не совпадают. Не было такого случая.

Шестилетняя девочка 22 дня блуждала по лесу, ела веточки и цветы. После первых дней ее перестали искать, успокоились. Мир не видал таких сволочей! Что значит не нашли? Умерла? Но тело найти надо? Почему не привели розыскную собаку? Она нашла бы за несколько часов.

Черный негр с серыми губами.

Все время передавали какую-то чушь. «Детская художественная олимпиада в

Улан-Удэ», «Женский автомобильный пробег в честь запрещения абортов», а о том, что всех интересовало, о перелете, ни слова, как будто и не было никакого перелета. И опять — «Бубонная чума охватила большую часть Малаккского полуострова . . .»

Ноги грязные и розовые, как молодая картошка.

Чуть наклонившись, стоит лес.

Это были гордые дети маленьких ответственных работников.

Стоял маленький рояль, плотный, лоснящийся, как молодой бычок.

Толстые большие мухи гудели возле уборной так, как будто давали концерт на виолончелях.

Бесчувственная ассирийская жажда жизни и наслаждений.

Ангел-хранитель печати.

Сто раз просыпаюсь за ночь. Каждый сон маленький, как рыбья чешуйка. К утру я весь в этой чешуе.

Среди миллионов машин и я пролетел, — песчинка, гонимая бензиновой бурей, которая уже много лет бушует над Америкой.

Вода из кипятильника пахла мясом. Представляете себе, как это было отвратительно?

Фарфоровую вазу она очень любила и называла «банкой».

Деревянная голова. Твердая, как отполированный ясень.

«Ярошко, по возбуждении настоящего дела, фигурировал сперва в качестве простого свидетеля, но затем был привлечен в качестве обвиняемого и в этом качестве скончался».

Вчера хлебнул горя — смотрел картину «Конец полустанка».

Страна, населенная детьми.

Мы ехали в поезде по Крыму. Когда моя соседка увидела зеленую траву, она так обрадовалась, как будто она была коровой, всю зиму проведшей в мрачном уединении хлева.

Она была так ошеломлена тем, что увидела, что выбежала из комнаты и тут же в коридоре превратилась в растение. Теперь это называется — «История одного фикуса в зеленой кадушке».

Как скучно быть кариатидой, подпирать какой-то некрасивый балкон.

Жить на такой планете — только терять время.

Напился так, что уже мог творить различные мелкие чудеса.

По всему полуострову зазвучали сигналы к обеду.

Крымский сад : иудино дерево, кукуля, кедр, тисс, благородный лавр, миндаль, кипарис, магнолия, дуб, ель, ель голубая.

Приехал отдыхать какой-то кинематографист в горностаевых галифе с хвостиками.

Начался сезон, и на полуострове ударили сразу двадцать тысяч патефонов, завертелись и завизжали пятьдесят или пятьсот тысяч пластинок.

Девушка-былинка.

Подали завтрак: холодное масло, завинченное розами, овальную вазочку с редиской, на длинной тарелочке — холодную баранину, телятину и просвечивающую насквозь брауншвейгскую колбасу, два яйца в мешочек, три ломтя сыру, сырную пасху, свежий темный хлеб. Море было пустынно, как все эти дни, и ослепительно сверкало.

Холодный, благородный и чистый, как брус искусственного льда, подымался «Эмпайр Стейт Билдинг».

Любовь к этим словам неистребима. Глубоко, на дюйм врезаны они в кору деревьев.

Если бы глухонемые выбирали себе короля, то человека, который говорит хорошо, они бы не взяли. Слишком велик был бы контраст.

Когда питекантроп заметил, что у него нет хвоста, он ужасно огорчился. Он ду-

мал, что это ставит его в зависимое положение от обезьян. Он даже не понимал, что он и есть владыка мира. Жена его, молодая питекантропка, долго пилила его и жалела совершенно открыто, что не вышла замуж за одного орангутанга, который ухаживал за ней прошлым летом.

Чувство уюта, одно из древнейших чувств.

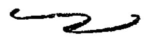
Разговор по междугородному телефону: «Есть повидло бочковое! Покупать? Не надо? Кончено! Есть варенье бочковое! Покупать? Не надо? Кончено!»

«На вашем месте я бы сидел на месте».

«Отец мой мельник, мать — русалка».

Судья: «А вы скажите суду по части отреза».

Сквозь лужи Большой Ордынки, подымая громадный бурун, ехал на велосипеде человек в тулупе. Все дворники весело кричали ему вслед и махали метлами. Это был праздник весны.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЬФ ИЛЬЯ АРНОЛЬДОВИЧ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

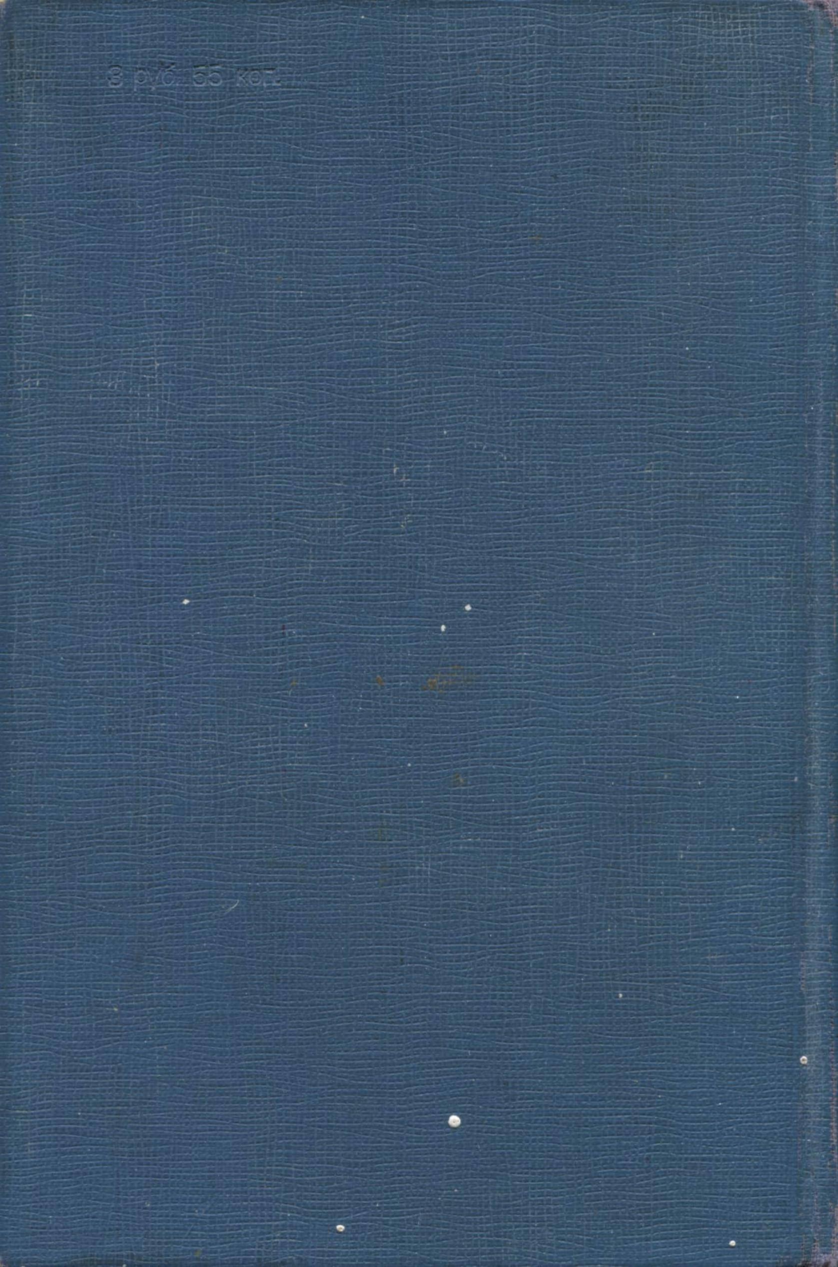
*

Редактор Л. И. Левин
Художник С. Б. Теленгатор
Художественный редактор Е. И. Балашева
Технический редактор Н. Д. Бессонова
Корректор В. П. Песковская
Сдано в набор 6/IV 1957 г. Подп. к печати 25/VII 1957 г.
123/№ А06630. $70 \times 92\,^{1}/_{32}$. Печ. л. $6^{13}/_{16}$ (7,96). Уч.-изд. л. 5,02.

Тираж 75 000 экз. Цена 3 р. 55 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

572202 Атэнэум Будапешт

3 руб. 65 коп.

